

Иосиф Гольман
Счастье бывает разным
Серия «Мужской взгляд»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671705
Гольман И. Счастье бывает разным: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-53711-2

Аннотация

Неправда, что все счастливые семьи счастливы одинаково. Владимир Чистов был искренне уверен, что его семья – счастливая, но при этом она была не похожа ни на какую другую – прежде всего потому, что добытчиком и кормильцем была жена, Екатерина, а он – трепетным и нежным отцом, хранителем очага.

И разрушилась их семья тоже нетрадиционно – без скандалов и взаимных упреков.

Катя ушла, в один момент сделав несчастными сразу и мужа, и сына, и дочь.

Начать новую жизнь нельзя – хотя бы потому, что жизнь у человека одна. Надо просто продолжать жить и – стараться быть счастливым. Ведь люди, как и семьи, бывают счастливы по-разному.

Содержание

1	4
2	12
3	18
4	24
5	28
6	35
7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Иосиф Гольман

Счастье бывает разным

1

Владимир Сергеевич Чистов сидел в своем маленьком кабинетике, положив руки на поверхность светло-коричневого полированного стола, а голову – на руки. Не то чтобы сильно устал, просто приятно было перед концом рабочего дня – довольно успешного, кстати сказать, дня – на три минутки расслабиться, ощутив щекой мягкий ворс рукавов своего любимого белого свитера.

Можно было бы и сейчас уйти домой – важных дел на сегодня более не предвиделось, – но идти, в общем-то, было некуда. Точнее – не к кому: жена, Екатерина Степановна, вернется из командировки только завтра. А торчать в одиночку в огромной пустой квартире – всегда как-то напрягало Чистова. Может, потому, что ему никогда не доводилось жить в тесноте и в коммуналках. Но что есть, то есть: Владимир Сергеевич не отказался бы от продления трудового дня еще хотя бы на пару часов. А там, глядишь, отужинав, можно было бы и спать лечь под тихо бубнящий телевизор.

Неожиданно – а потому громко – зазвонил стационарный телефон.

– Алло! – поднял трубку Чистов.

– Папик, ты как там? – послышался родной Майкин голосок. Звонит из Нью-Йорка, а ощущение, что ее можно рукой достать.

– У нас все отлично. Как у вас? – Дочка была уже на пятом месяце, так что скоро Чистов должен был стать счастливым молодым дедом.

– У нас тоже все хорошо, – дoloжила Майка. – Тебя бы вот еще вытащить, малыша понянчить, – не удержалась от хитрого захода дочка.

– Сама понянчишь, – улыбнулся Владимир Сергеевич. Майка была вся в маму – карьера на первом месте. Нет уж, пусть хоть ее детеныш растет около юбки, а не брюк.

– А ты не знаешь, где мама? Ни по одному телефону нет.

– Знаю, конечно. В Давосе симпозирует.

– Господи, как же я сама не догадалась? Все время ж по телику талдычат, – укорила себя дочка. – А ты один, значит, на хозяйстве?

– А что, это необычно? – неожиданно завелся Чистов.

– Да ладно тебе, папуль. У вас всю жизнь так.

Они поговорили еще пару минут и распрощались.

А Чистов вернул свою начавшую сесть – и, чего уж скрывать, чуть-чуть лысеть – голову на мягкие белые шерстяные рукава.

Это точно Майка сказала. У них всю жизнь так. Мама симпозирует – в прямом смысле и переносном, – а папа все больше по хозяйству. От кормления и вытирания крошечных поп – пока дети были совсем мелкие – до текущих хозяйственно-бытовых вопросов.

Правда, рожала Майку и Вадика все-таки Екатерина Степановна. Лично выносила, никому не передоверив. Впрочем, на тот момент суррогатных матерей еще не существовало. И грудью кормила, хоть и недолго. А вот почти все остальное делал он, Чистов.

Тут вдруг до него дошло, что даже про себя он называет жену по имени-отчеству.

Да ладно, чего уж там! А как ее еще называть, если спят они давно в разных комнатах огромной квартиры, и близость случается только тогда, когда Екатерина Степановна его позовет.

А может, это и неплохо?

Ведь когда все-таки зовет, его и в самом деле переполняет желание. Она как женщина вовсе не надоела ему за двадцать прошедших лет. Все так же екает в груди, когда видит ее ладную, аккуратную фигурку. Все так же хочется целовать в прекрасное лицо, в по-прежнему молодые, яркие глаза. Владимир Сергеевич знает, сколько денег – а главное, драгоценного времени – уходит у жены на поддержание внешнего вида. Но ему почему-то кажется, что если бы у Катеньки не было возможности прибегать к услугам лучших специалистов, то она все равно оставалась для него желанной.

В общем, не новость для господина Чистова узнать, кто главный в их по всем меркам полноценной семье. И не так уж это его уязвляет, раз столько лет терпит. Но мысли об их семейном матриархате все равно не радовали.

Тут тихонько запищал внутренний селектор, после чего пришло не вполне деловое предложение.

– Владимир Сергеевич, вы с нами кофе попьете? – Это Наталья, ее мягкий голос. Когда она в духе, конечно.

Правая рука Чистова. А если честно – то и левая тоже. Когда он в отпуске или болеет, фирма этого особо не замечает. Если, разумеется, Наталья Фирсова находится на своем месте.

– С удовольствием. Сейчас подойду, – ответил он, нажав кнопку передачи.

Наталья работала с ним уже лет восемь.

Вот кто точно мог бы занять его сегодняшний вечер.

Да и ночь тоже.

Они ни разу не обсуждали возможность непроизводственных отношений. Но такие вопросы и нет надобности обсуждать. Достаточно взгляда, жеста, движения.

Наталья была – за.

Имевшийся гражданский муж помехой не был. То ли потому, что не занимал в ее жизни вообще-то положенного мужу места, то ли действительно Наташа была серьезно неравнодушна к начальнику. Одно было однозначно: в данной ситуации не имелось и намека на возможные корыстные устремления.

Впрочем, второе тоже было однозначно: Чистову, несомненно, льстило Натальино женское влечение, но – не более того. За все годы брака он ни разу не изменил жене. Сначала даже мысль об этом казалась невозможной, настолько желанной и выстраданной была сама жизнь рядом с Катенькой. Потом появилась привычка и неосознанное нежелание менять в общем-то комфортное положение вещей.

Когда Чистов зашел в шоу-рум, там все уже было готово к кофепитию. Причем собственно процесс приготовления сакрального офисного напитка занимал меньше всего времени – Наталья, настоящая гаджетоманка, одной из первых в столице приобрела для фирмы лентяйскую машинку «неспрессо». Ни о чем не надо думать: выбрал капсулу, как в поговорке, по вкусу и цвету, нажал на кнопку – и вот тебе чашка ароматнейшего кофе.

Впрочем, ни одно из целого десятка аппетитных пирожных, украшавших стол, тоже не было создано трудолюбивыми руками собравшихся – в их бизнес-центре, как и в большинстве других, заполнивших Москву, имелся свой фуд-корт с едой на любой вкус.

А за столом уже восседал практически весь состав славной фирмы «Птица счастья». Слева от Фирсовой аккуратно присела Галина Федоровна Волкова, бухгалтер, добрейшая и

весьма компетентная в своей профессии женщина. Она была одних лет с Чистовым, может, чуть старше, но – как бы это точнее выразить – добровольно отказавшаяся от продолжения своей женской жизни. Все у нее было в порядке: муж, ребенок, достаток. Настолько в порядке, что беспокойствам, свойственным молодости, просто не осталось места.

Глядя на таких женщин, Чистов часто вспоминал знаменитую фразу про то, что «у нас секса нет». А если и есть, то остатки, связанные с привычками, семейными ритуалами и даже традицией, но только не со страстью.

Далее присутствовала совсем юная Ната Маленькая – в отличие от Наташи Фирсовой, которая, тоже не будучи большой, была тем не менее лет на пятнадцать старше. Ната, племянница Волковой, сидела на телефонах и готовилась в институт. Затем шла Вера Седова, худощавая девушка с недобрый лицом, компьютерный дизайнер, контент-менеджер их сайта и сетевой администратор в одном флаконе. Заканчивал список Артем Щеглов, излишне полный, всегда улыбающийся молодой человек, их единственный менеджер.

Вот, собственно, и вся контора.

Комната была залита ароматом свежесваренного кофе, и народ ждал только одного: чтобы шеф наконец сел на свое место и праздник начался.

Ждали директора из хорошего отношения, а вовсе не из страха перед начальством – Чистов самокритично понимал, что в этой жизни его вряд ли кто опасается. Даже когда в свое время требовалось приструнить Вадика и особенно Майку, легче было напугать деток отсутствовавшей в данный момент мамы, чем присутствующим папой.

– Ну, с богом! – нестандартно сказал Щеглов и запихнул разом в рот приличного размера эклер.

– Артем, у тебя же сахар на пределе нормы, – не выдержала Волкова. – Сам говорил. Коллектив у них был хороший, и народ друг за друга переживал.

– Здесь ключевое слово – «норма», – важно ответил Щеглов, запивая съеденное изрядным глотком кофе и нацеливаясь на второй эклер.

Менее всего этот член коллектива был похож на щегла. И вообще – на птицу, если, конечно, не принимать во внимание, что нынешние птицы – прямые потомки прежних динозавров.

– Щегол, кончай так жрать. – Фирсова никогда не была политкорректной. Да и вежливой тоже была не всегда, в основном – с клиентами, и то только до подписания договора.

– Ты за меня волнуешься или за эклеры? – деловито уточнил Артем.

– За обоих, – не стала скрывать Наталья.

– Меня вычеркни, – разрешил Щеглов и загрузил в ротовое отверстие еще одно пирожное.

– Судя по приходам – неплохой сегодня день, – перешла на рабочую тему Галина Федоровна.

– Да уж, вы молодцы, – похвалил всех директор.

Пришел отсроченный платеж, деньги по старому договору, вторая половина, причитавшаяся после отгрузки товара. И с той же фирмой сегодня подписали новый контракт на тот же товар: кожаные ежедневники с фирменным полиграфическим «нутром» в четыре краски и с блинтовым, то есть слепым, без пигмента, тиснением логотипа на первой обложке.

Возни с ними было совсем мало: заказать по готовому оригинал-макету полиграфические вставки в одной компании, кожаные заготовки, фурнитуру, окончательную сборку и упаковку – в другой. Ну и проследить за выполнением заказа, конечно. Впрочем, поскольку заказ повторялся уже в пятый или в шестой раз, то такой контроль не представлял особой сложности.

– Кстати, Владимир Сергеевич, в этот раз прибыль повыше будет, – похвасталась Наталья.

– За счет чего? – удивился Чистов. – Клиент согласился больше платить?

– Нет, конечно, – засмеялась Фирсова.

«И в самом деле смешно», – подумал Владимир Сергеевич, вспомнив представителя заказчика.

– Оригинал-макеты Верунчик немножко подработала. Разделила полиграфию на цветную и двухкрасочную. Так будет дешевле. А раньше все полноцветом печатали.

Лицо Седовой, дизайнерши, сразу повеселело и перестало казаться недобрым.

«Недохваленная она просто, – вдруг понял Чистов. – А может, и недолюбленная», – он не очень вникал в личную жизнь сослуживцев.

– В основном Щегол постарался, – продолжила Наталья. – Нашел нового импортера – с той же кожей, но почти на четверть дешевле.

– А это не опасно? – усомнился осторожный Владимир Сергеевич. Он никогда не был склонен к риску. – С прежним тоже неплохо оставалось.

– А мы с прежним и сработаем! – хохотнул Щеглов, успевший прожевать второе пирожное и подозрительно косившийся на третье.

– Стандартная схема, – пояснила Фирсова. – Переслали предложение старому поставщику и спросили, что ему приятнее: насовсем потерять клиента или уменьшить свои аппетиты? В итоге сошлись на двадцати процентах дискаунта плюс оплата после поставки.

– Отлично, – оценил Чистов. – Еще и на оборотных средствах выгадаем.

– Точно, – подтвердил довольный Щеглов, ухвативший таки очередное пирожное.

– Артем, хорош! – прикрикнула на него Наталья. – И так уже в штаны не влезаешь!

– Вот это и есть неуважение к трудящимся, – заныл Щеглов, реально побаивавшийся неpolitкорректную Фирсову. – Да еще к подчиненным, к офисному пролетариату! Вон, поди, к директору претензий нет!

– Директор так эклеры не жрет, – парировала Фирсова. – А по утрам пятерку каждый день бегает. Хоть в дождь, хоть в мороз.

«Интересно, откуда она узнала?» – подумал Чистов, не сильно склонный к нерабочему общению даже с приятными ему сотрудниками.

– Пять километров? – ужаснулся Артем. – Каждый день? – Он посмотрел на Чистова как на инопланетянина.

– Ну да, бегаю, – пришлось согласиться Чистову. – Уже лет двадцать. Как спорт бросил.

– Так вы еще и спортсмен? – Похоже, у Щеглова сегодня был день открытий.

– Кандидат в мастера спорта по боксу, – гордо ответила за него Наталья. – Выступал на первенстве Москвы.

– Среди студентов, – сбавил накал славы точный Чистов.

– Ну и дела, – только и смог сказать пораженный менеджер, после чего на некоторое время умолк – пока Фирсова пиарила директора, он все-таки успел ухватить последнее пирожное, на этот раз – бисквит с вишенкой.

– Ну, всем пока, я пошла, – попрощалась Ната Маленькая. У нее были какие-то подготовительные курсы. Вместе с ней ушла ее тетя, Галина Федоровна.

Чистов вернулся в свой кабинет, посмотрел на настенные часы – раритет прежней эпохи, когда, в отличие от сегодняшних реалий, время нельзя было узнать ни в компьютере, ни в телефоне, ни в холодильнике.

Прошел час.

Очень хорошо, меньше останется пустого времени до сна. Хотя нет, столько же.

Поскольку от ужина, после всех этих эклеров, придется отказаться. Раньше, когда дети были дома, одиночество никак не напрягало Чистова, даже в отсутствие жены – она и тогда часто укатывала по работе.

Пожалуй, все-таки не так. Отсутствие или присутствие жены вообще не слишком сказывалось на жизни Владимира Сергеевича, пока дети были дома.

Вот с ними ему никогда не было скучно.

А сейчас идти в пустую квартиру по-прежнему не хотелось.

Дверь скрипнула.

В кабинет заглянула Наталья:

– Вы еще здесь, Владимир Сергеевич?

– Да, побуду пока. Я поставлю на охрану, можешь идти.

– Может, вы чаю хотите? – спросила Фирсова.

Он вдруг понял, что Наталье тоже не хочется домой.

Однако решать проблему одинокого вечера подобным образом Чистов не хотел. Он ни в коей мере не был ни ханжой, ни лицемером – просто привык смотреть на отношения между мужчиной и женщиной так, как было принято в семье его родителей, а потом и в собственной.

Быстрые отношения там не практиковались.

«Хотя восемь лет знакомства – это быстро или не очень?» – ухмыльнулся про себя Владимир Сергеевич.

– Так чаю попьете или неохота? – переспросила Фирсова. – А то у меня сегодня именины, а дома – никого.

– Почему? – машинально спросил Чистов.

– Будете смеяться, но муж в командировке, – лукаво стрельнула глазами Наталья. – Хотя вы, похоже, не по этой части.

– Похоже, – согласился Владимир Сергеевич. – А что ж ты остальным не сказала?

– Сказала. Даже пирожные принесла. Но именины – все же не день рождения. Так себе, полупраздник. Хотя, раз уж вспомнила, все равно не хочется в одиночестве.

– Не надо в одиночестве, – неожиданно для себя самого согласился Чистов. – Даже если это полупраздник. Давай наливай чай.

Наталья быстро сбегала к кулеру за кипятком, принесла две чашки. Потом пошла за оставшимися вкусами – Щегол, как выяснилось, не любил овсяного печенья, наверное, оттого, что если и напоминал в профиль некое животное, то уж точно не лошадь.

Тут Владимиру Сергеевичу стало стыдно за свои обидные для Артема мысли. Щеглов, может, слегка и похож на бегемота, но все равно молодец. И благодарный директор, вместо того чтобы, пусть и не вслух, злословить, постарается найти ему хорошего диетолога, благо у жены есть связи и в этой области.

Наталья опять забежала, на этот раз с сахарницей. Поставила на чистовский стол и пошла за забытыми чайными ложечками.

А Владимир Сергеевич вдруг вспомнил про плитку черного шоколада в кармане куртки – купил утром перед работой в палатке и забыл.

Он тоже вышел из-за стола и направился вслед за Натальей.

Встретились они в дверях полутемного коридора.

Она даже затормозить не успела, въехала на бегу прямо в начальника.

Он машинально ее подхватил, обняв по-прежнему крепкими руками.

Наталья подняла голову – она была заметно ниже ростом. Глаза у нее были красивые и голубые: спроси Чистова о цвете ее глаз на три минуты раньше – не ответил бы.

«А, будь что будет!» – вдруг принял несвойственное для себя решение Чистов и теперь уже обнял Наталью не случайно.

Тело ее – даже под кофтой и белой блузкой – было мягким и теплым.

А еще – манящим.

Как и ее глаза, которые Наталья не хотела или не могла отвести.

Чистов нежно провел рукой по ее груди, мягко и аккуратно расстегнул пуговицы.

Вот теперь его руки касались ее тела не через одежду и чем дальше и дольше касались, тем неотвратимее развивались события.

И тем приятнее они были.

– Ой, подождите секундочку, – вдруг легко выскользнула Наталья. – Дверь же открыта! Вдруг уборщица придет? – Она повернулась к Чистову спиной и, взмахнув, как крыльями, полами расстегнутой блузки, исчезла в полутьме длинного коридора.

Уже через несколько секунд раздался характерный щелчок дверного замка – она вернулась.

Сама сняла то, что им еще мешало.

А когда уже ничего не мешало, стало очень хорошо.

– Да, отметили именины, – улыбнулась Наталья, когда они наконец пришли в себя. – Необычно, прямо скажем.

– Да уж, – улыбнулся Чистов. – Ты, кстати, не сердись, если что не так. Я как-то не в курсе новаций. Наверное, отстал от жизни.

– А я думаю, и нет никаких новаций, Владимир Сергеевич. Людям либо приятно, либо нет. Мне было приятно. Очень.

– Мне тоже, – не кривя душой, сказал Чистов.

«А ведь действительно странно, – подумал он. – Нарушено пожизненное табу – а мир не перевернулся. Или еще перевернется? А может, просто табу устарело?» – вдруг пришла горькая мысль. Как в старой притче о кобре, которая всю жизнь стерегла сундук. А тот оказался пустым.

Хотя кобре-то какое дело? Вот ему – другой случай. Неплохо бы знать наконец, что же он такое стерег всю жизнь.

Да и в отношениях с Натальей тоже следует разбираться сразу.

Впрочем, тут она его опередила.

– Вы расстроены? – спросила Фирсова. – Извините, если нарушила душевный покой.

– Все нормально, – отозвался Чистов. – Спасибо тебе.

– За что?

– За тепло. За то, что не просидел вечер перед телевизором. За возможность подумать надо всем этим. Ты-то переживать не будешь? – забеспокоился он. Кроме его проблем, наверняка есть и ее.

– Буду, конечно, – честно ответила она. – Не из-за мужа. С ним как раз все понятно. Жалко, что я в вас не влюблена.

– Почему? – не понял он.

– Тогда бы я за вас боролась. Но все равно спасибо.

– А спасибо тогда за что?

– За передышку, наверное. Знаете, как зимой бывает: носишься по городу, замерзнешь как собака, зайдешь в чужой подъезд погреться. Потом дальше бежишь.

– Вот с подъездом меня раньше никогда не сравнивали, – тихо засмеялся Чистов.

– Не обижайтесь, Владимир Сергеевич, – попросила она.

– А я и не обижаюсь. – Он снова обнял Наталью, она приникла к нему, но теперь никакого влечения не было. Просто снова грелись у чужого тепла.

Как очень быстро выяснилось, события дня на этом не закончились.

Фирсова уже убежала, наотрез отказавшись от Владимира Сергеевича в качестве проводящего. Он сидел за столом, приводя в порядок чувства и допивая чай – свой и Натальин.

Телефон вдруг зазвонил как-то особенно требовательно и жестко.

Черт, телефон – в зависимости от вызывающего – может изменить мелодию звонка. Но уж точно не может звонить особо требовательно и жестко.

Однако Чистов был готов поклясться, что на том конце провода – его жена, Екатерина Степановна Воскобойникова, которую с малых лет большинство знакомых знали как Джет Кэт. Или – в вольном переводе с английского – Реактивная Катя. В вольном вообще многое допускается – можно на слух перевести и как Бешеная Кошка.

Произносили все по-разному: кто – с любовью и уважением, кто – с опаской, а то и с ненавистью, – но глобальный смысл от этого не менялся.

– Володя, здравствуй, – сказала она. – Как ты там?

– Нормально, – ответил Чистов. – А ты?

– В порядке. Слушай, есть дело.

– Слушаю.

– Сейчас тебе позвонит Иван Басаргин. Помнишь такого?

Еще бы не помнить!

Захочешь – не забудешь.

Вовчик Чистов, сын известного профессора-экономиста, всю сознательную жизнь сох по своей одногодке Катке Воскобойниковой, дочке серьезного карьерного дипломата. Семьи дружили, благо дачи находились по соседству, а квартиры – неподалеку.

Володя был влюблен в Реактивную Катю столько, сколько себя помнил. Влюблен безответно, поскольку особыми талантами никогда не обладал, а склонен был к музицированию – непрофессиональному – да к живописи, тоже не особо оригинальной. Ну и ежеиков с котятами болезных постоянно на дачу да домой притаскивал, к огорчению домработницы.

Катя же была человеком-ракетой, одновременно победительницей олимпиад по математике и танцевальных районных конкурсов. Куда уж там робкому Володе.

Однако родители дружили домами, и шутки об их будущем семейном счастье шли с детства.

Вообще же Катя тоже неплохо относилась к Вовчику, с теплом. Примерно так же, как к своему любимому щенку: помогала, жалела, заступалась. Правда, в отличие от любимого щенка, активно использовала, когда надо было выполнить какую-то скучную работенку, на которую не хотелось тратить время самой.

Оба поступили на экономический факультет МГУ. Катя – потому, что жаждала карьеры и больших горизонтов, Володя – потому, что туда поступила Катя. А еще потому, что на биофак – юный Чистов все дни проводил в кружке юннатов Московского зоопарка – родители поступать не разрешили. Живой уголок в квартире – это не карьера.

Учился Володя хорошо, потому что был умный. Катя училась блестяще – и потому что была умна, и потому что ей хотелось горы свернуть, тем более что в стране начинали происходить события, когда на лидирующие роли могли выйти молодые и смелые люди.

В общем, счастье в душе Чистова было полным, хотя и недолгим, потому что на третьем курсе к ним из свердловского вуза перевелся Иван Басаргин, победитель какой-то олимпиады. Здоровенный, весьма толковый и, к сожалению для Чистова, очень симпатичный.

Все с таким трудом достигнутое рухнуло в одночасье.

Точнее – плавно перетекло к влюбленной парочке.

Вот там все было как на ладони.

Даже Чистов скрепя сердце в измученной душе это признавал.

Однако жизнь переменчива.

Катины родители были крайне недовольны намечавшимся мезальянсом и делали все, чтобы их дочь не стала женой Ивана, сына рабочего-металлурга и воспитательницы детского сада. Катя сначала стояла насмерть, и Воскобойниковы уже были готовы сдаться, собираясь перетащить счастливчика Ивана в другой социальный стат.

Однако тот оказался человеком упрямым: перетаскиваться не захотел. А захотел увезти любимую к себе на родину, в самый центр мира – то ли в Нижнюю Салду, то ли Верхнюю Тывду.

И Катя была не против, потому что – любила.

Вот тут-то старшие Воскобойниковы и сказали – нет.

Иван оказался крепким орешком – нет, значит, нет. И уехал экономистом-плановиком на свой богом забытый металлургический комбинат, а Джет Кэт в середине июля, вскоре после получения дипломов, позвонила Вовчику и поинтересовалась, по-прежнему ли он хочет – в свете произошедших событий – на ней жениться.

Вовчик хотел по-прежнему.

С тех пор – двадцать с большим хвостиком лет без сучка без задоринки.

Если, конечно, не считать сегодняшнего эпизода.

– А с чего он вдруг меня вспомнил? – прервал неприлично затянувшееся молчание Чистов.

– Не знаю. Вернее, не все знаю. Он сам тебе расскажет, – ответила жена и, снимая возможные неприятные вопросы, добавила: – Он нашел меня в социальной Сети. Но ему почему-то нужен ты. Я дала твои телефоны, рабочий и мобильный. Все. Увидимся.

– Увидимся, – машинально ответил Владимир Сергеевич.

И в самом деле, многовато событий для одного скучного дня. Чистов честно просидел в кабинете еще четверть часа, однако звонка не дождался.

Хорошо, пусть звонит на мобильный – все равно Владимир Сергеевич скоро спустится в метро. Честно говоря, несмотря на давность произошедших событий, он до сих пор недолюбливал Ивана Басаргина.

2

Майка быстро шла по залитому апрельским солнцем Бродвею, в сторону Батарейного сквера, к океану. Заметно округлившаяся фигурка никак не мешала ей ловко лавировать в довольно плотном людском потоке. Дел у нее тут никаких особых не было, просто выпали три свободных часа – заранее запланированная важная встреча отменилась, так что все совпало: встречаться должны были на Манхэттене (ньюйоркцы смешно произносят – Ман’этен, не выделяя, а лишь обозначая звук «х»), встреча отменилась не по ее вине. Поэтому вовсе не стыдно потратить некоторое время на бестолковое, но такое симпатичное занятие: потолкаться в веселой нарядной бродвейской толпе, наполовину состоявшей из туристов, полюбоваться на прекрасные витрины модных магазинов в районе Пятой авеню, а потом, пройдя мимо огромного чугунного бычары, вечно оседланного детьми и молодежью, выйти к заливу и поглазеть на океан.

Откровенно говоря, это было совсем неконструктивно. Скорее в духе папы, чем мамы. Но – безумно приятно.

Вообще, данная темка часто занимала Майкины мозги.

Мама, несомненно, была кумиром и примером для подражания. Столько интеллекта, перемешанного с куражом, бешеной жадой созидания и самоутверждения, Майка больше ни у кого не встречала. Хотя и сама училась в достойном вузе и общество себе всегда выбирала по привитому мамулей вкусу.

Папик – стопроцентно обратная картина.

Умен – однозначно. Не просто умен, а глубоко и разносторонне. Выглядит тоже на все сто. Тетки до сих пор оборачиваются, когда он легкой походкой крейсирует по бульвару. Но ему без разницы, что надевать.

Ему без разницы, с кем общаться.

И самое главное – ему без разницы, чего он в конце концов добьется в этой жизни.

Перед самым отъездом в Америку, где она продолжила московское образование, Майка совершенно случайно познакомилась с папулиным тренером по боксу, довольно старым, хоть и бодрым дедуном Виктором Ивановичем.

Мир-то тесен: его дочка оказалась Майкиным тренером по фитнесу. Подружились, пригласила в гости, там – общительный дед, ну, в общем, слово за слово...

Так вот, узнав, что Майка – Чистова и учится в МГУ, дед спросил, не дочка ли она Вовчика Чистова, мальчишки с факультета экономики.

А дальше выяснилось столько всего интересного...

Хотя – нет.

Ничего принципиально нового не выяснилось. Просто картина дополнилась множеством характерных деталей.

Дед до сих пор считает, что у него не было более талантливого ученика, чем ее папуля.

Природная «физика» плюс быстрые мозги делали его уникальным спортсменом. Вовчик Чистов на ринге был почти неуязвим. Он так стремительно и умно перемещался, что гораздо более опытные бойцы просто не могли в него попасть.

И если другие спортсмены вызывали аплодисменты зала своими жесткими, хлесткими ударами, то папуля восхищал публику финтами, красивыми уходами или даже – когда

нечасто подхватывал кураж – полностью открытой стойкой, с опущенными руками, то есть мишень была – вот она, а попасть в нее противник не мог.

Виктор Иванович сказал, что такого высшего пилотажа в плане защиты он больше за всю свою долгую тренерскую карьеру не встречал.

– А что же ему мешало? – поинтересовалась тогда Майка. – Плохо держал то, что все-таки проходило?

– Нет, – ответил дед. – Нормально держал. Уже не так феноменально, как защищался, но и не плохо. Достаточно стойкий был пацан. На твердую четверку.

– Что ж он не стал чемпионом? Даже до мастера спорта недотянул, – спросила переживавшая за папулю дочка.

И тут дед ответил.

Да так ответил, что Майка и сейчас, пробираясь по запруженной народом Батарейке, тот ответ вспоминала.

А дед сказал следующее: не может даже выдающийся боксер стать чемпионом, если ему чертовски не хочется делать больно сопернику.

Ни больше ни меньше.

Дальше уже было не так интересно. Не революционно. Просто информация к отчету, так сказать.

Все папулины победы – а они, разумеется, имели место, иначе бы камээса не получил – были по очкам. Нокаутом он выиграл один-единственный бой. И то – почти вынужденно: соперник был не слишком техничен, зато быковат и сильный боец, отличный панчер. Кроме того, любовь к окружающему миру и жалость к партнерам на ринге точно не мешали ему боксировать.

В итоге Вовчик в первом же раунде получил обиднейшее рассечение, причем не в результате честного попадания перчаткой, а после бессовестного бодания головой.

Соперник заработал предупреждение, с него сняли два очка, но по очкам Вовчик вчистую выиграл бы и без этого.

А тот рациональный парнишка стал яростно целить в и без того обильно кровившую бровь. Уходить же стало труднее, так как глаз заливало, а без бинокулярного зрения дистанцию точно не определить.

Рефери дважды за раунд останавливал бой, подзывая врача. Тот осматривал, протирали, охлаждал рану, качал головой, но поединок пока не прекращал.

В перерыве Виктор Иванович простым русским языком объяснил Вовчику, кто он есть, а главное – кем он станет: и сегодня на ринге, и завтра, и вообще. Если, конечно, не прекратит танцевать и не начнет драться.

Вовчик только улыбался.

Может, ему и в самом деле было без разницы.

Хотя вряд ли, в этом случае проще было сразу пойти в бальные танцы, у него бы тоже точно получилось.

А бычок во втором раунде решил повторить успех и снова попытался войти в клинч и боднуть головой. Далее Вовчик все сделал на автомате: шаг назад, полшага влево и – классическая двойка, причем вторая перчатка вошла в цель буквально через доли секунды после первой.

Второй удар был абсолютно акцентированный, в него вошли не только годы тренировок, но и бессознательная ярость от боли, обиды, вкуса и запаха собственной крови.

Бычок упал не сразу, секунду-две пошатался. Потом – рухнул.

С ринга его унесли под вой осчастливленной толпы.

Вовчик же был близок к панике и моральному самоуничтожению.

Старый тренер с минуту подумал и принял до сих пор обидное решение: пусть погибнет чемпион, но останется хороший мальчишка. Они даже вместе съездили навестить поверженного бычка. Тот очень удивился: не ожидал таких нежностей, тем более что сломанная переносица и вывих нижней челюсти – обычные атрибуты жизни боксера. Так же, как и несколько сопутствующих карьере сотрясений мозга.

Вот такую историю услышала Майка в доме своего фитнес-тренера.

И если уж совсем честно, то по размышлении она не особо много добавила в папулин портрет.

Разве что несколько штрихов.

На набережной ярко светило солнце. По воде бегали катера и паромы, мерно ходили крупные суда.

На табло высветилось, что сейчас уйдет паром на другую сторону залива. Можно было бесплатно прокатиться, Манхэттен – остров, и, чтобы разгрузить мосты и тоннели, власти придумали такую завлекаловку. Дополнительное удовольствие – во время рейса паром пройдет мимо статуи Свободы, позеленевшей от времени и визуально уменьшившейся в размерах на фоне манхэттенских и нью-джерсийских небоскребов, но по-прежнему притягательной для туристов.

Майка подумала и на паром не пошла. Здесь было намного приятнее: солнце, яркая толпа, чайки, огромные и действительно белокрылые. Оказывается, это и есть знаменитые альбатросы, если источник информации – местная девчонка из их университета – ничего не перепутала.

Впрочем, гордые альбатросы предпочитали вместо дальних полетов питаться здесь же, неподалеку, благо ресторанов на берегу хватало, да и судов с отдыхающими тоже было немало.

Вообще полгорода представляло из себя пристань.

А приставало к берегу самое разное: от яхт, паромов и элегантных пассажирских лайнеров до огромных грязно-ржавых сухогрузов и даже гигантского авианосца. Последний по совместительству был музеем. Майка еще до него не добралась, но обязательно доберется: уж больно нестандартен был вид этой серой громады, нависшей над берегом.

Очень ей здесь, у океана, нравилось, не то что около ее американского дома.

Сама она жила в Бронксе, час на метро отсюда, и там был совсем другой Нью-Йорк.

Без небоскребов, без празднующихся красивых толп.

Маленькие, как правило, двухэтажные, домишки стояли правильными квадратами, образуя стрит и авеню. Между ними были еще безымянные проезды, по которым пробирались к своим гаражам владельцы домиков, а в случае нужды – подъезжали амбулансы и пожарные машины.

Все соседи знали друг друга. Селились по национальной и социальной принадлежности. Это было заметно, даже когда Майка пересекала пространство под городом в метро.

На одной остановке зашли азиаты, заняв почти весь вагон. Потом также друженько вышли. После подтянулись афроамериканцы. Вслед за ними – латиносы.

Нет, не восхищала Майку двухэтажная Америка – тот же Тамбов, разве что гораздо более удобный для человеческого проживания.

Поражало не богатство страны, сгребавшей к себе финансовые и людские ресурсы со всего мира, а самоуважение людей и их взаимная ответственность, за исполнением которой жестко следит государственная машина.

Например, дорожки перед домиками дворники здесь не чистят – за неимением дворников. А снегопады – хорошие. Покруче московских бывают. Да еще со штормом в придачу. Так вот, то, что нападало, убирают сами жильцы. Если не вычистят – могут попасть на большие бабки: кто-нибудь поскользнется перед чужим домиком, ногу сломает – потащит владельца в суд. Волчи законы капитализма.

Так что асфальт скребут все, кроме больных и старых, – их обслуживают социальные работники. Можно, конечно, и откупиться: после каждого снегопада по их району ходят афроамериканцы с латиносами, предлагают почистить территорию. Местные белые мальчишки тоже ходят, на игрушки подзаработать. Или на травку – кто на что. Цены – божеские, Майке было лень махать лопатой, обошлась пятнадцатью долларами.

А еще ей нравится, что здесь серьезное отношение к деньгам. Не такое, как в Москве. Здесь никто не швыряется чаевыми. Здесь, проехав весь Манхэттен, можно оставить таксисту пару долларов (причем безналом, с карточки, как и основной платеж), и он не будет считать себя униженным. Здесь студенты, дети весьма состоятельных родителей, пол-лета ищачат в кафе, чтобы заработать свои собственные деньги. Даже если потом недельку-другую проведут на родительской яхте.

Или вот еще история, и не кем-то рассказанная – Майка все видела своими глазами.

Она ведь в Штатах уже второй раз. Первый – год назад приезжала на языковую стажировку и жила в религиозной семье в другом районе Нью-Йорка, Бруклине. Очень приятные люди. Дом без излишеств, у Майки в Москве все гораздо круче и современнее.

Каково же было Майкино удивление, когда выяснились кое-какие прикольные детали.

Например, Двора-Лея, мама семейства, женщина лет пятидесяти, родившая и воспитавшая восьмерых (!) детей, оказалась весьма востребованным специалистом-педиатром. Точнее – детским психологом с выдающимися результатами при работе с малышами, страдающими аутизмом.

К ней в клинику и на домашние консультации приезжали родители со всей страны.

Папа и старший сын рулили фирмой по производству автоматов для продажи напитков и снежков. С очень хорошими – даже для Америки – оборотами.

При этом папа раз в неделю дежурил на телефоне в обществе «Ангел» – совершенно бесплатной общественной тусовке, помогающей водителям при неисправностях их авто. То есть сами они ничего не чинят, но по вызову диспетчера выезжают на место поломки или аварии и помогают отбуксировать машину на станцию, а водителя разместить в отеле по карману.

Сынок, Самуил, как и положено, пошел дальше папы.

Будучи по образованию инженером-механиком, а по роду деятельности – крупным бизнесменом, он в свободное от работы время закончил курсы... парамедиков, то есть младших медицинских работников.

Тоже, кстати, затратное по часам мероприятие. И теперь два раз в месяц, в собственный выходной, раскатывал на амбулансе их района, выезжая не только по вызовам «своих» – в основном благополучных жителей, – но и на результаты разборок в соседнем, гораздо более бедном, негритянском квартале.

Да, чтобы не забыть: амбулансы эти – вовсе не государственные, а купленные на пожертвования жителей района. Чтоб не ждать обычную «Скорую», пока она проедет по нью-йоркским пробкам.

При всем при этом никакой идиллии в американском обществе Майка не наблюдала. И наркоманы здесь присутствовали, и бандиты, и коррупционеры. Но все это, включая коррупцию, жило под постоянным давлением тяжелой государственной длани, а вовсе не при ее попустительстве или, не дай бог, прямой поддержке.

Майка вдруг резко сменила ход мыслей. Меньше всего сегодня ее интересовала американская коррупция. А больше всего – что ей делать с Сашкой.

Поженились они год назад. Шикарная свадьба, лимузины, ресторан на Рублевке. Но это не для них, это для родителей. («Правда, предварительно исключив из их числа моего любимого папика», – додумала Майка, потому как Владимиру Сергеевичу Чистову было наверняка абсолютно фиолетово, в какого класса ресторане будет бракосочетаться его дочка.)

А у них была такая любовь-морковь, что, наверное, и перспектива жить в шалаше их бы не остановила.

Сашка вообще был равнодушен к деньгам. Сначала Майке это нравилось – напоминало папулю. Теперь – пугает, потому что молодой муж не только ничего не делает, чтобы заработать денег, но, похоже, без ее нотаций эти мысли в его голове даже не возникают.

Может, поэтому и домой неохота?

Майка и так знает, что там увидит: толпу поддатых обожателей-прихлебателей.

Она всегда сопровождает Сашку. Всегда и везде. Ему нравится быть добрым и щедрым, тем более что для этого ничего не надо предпринимать, разве что сбежать лишний раз к банкомату.

Майке не жалко денег свекра. Ей жалко Сашку, своего мужа. И еще – себя. Потому что она не видит своего будущего – и будущего своего ребенка – рядом с амебой в брюках, пусть даже и очень материально обеспеченной.

Мамуля, успокаивая напуганную дочь, тоже не раз упоминала папика. Но разве их можно сравнивать?

Папа никогда не был лодырем. Папа всегда был чем-то занят. И папа всегда лично трудился, чтобы окружающим его людям было хорошо.

А этот – просто прожигает время.

«Господи! – ужаснулась Майка. – Я подумала про Сашку – «этот». Полный пипец». Год назад, даже про себя, она его иначе как любимым не называла.

Расстроенная, она пошла ко входу в метро.

В рациональной Америке наземных вестибюлей не строят, вход – просто дырка в асфальте, куда уходят ступени и перила.

Похоже, с Сашкой придется расставаться. Самое ужасное, что он даже не понимает, в чем проблема. Она ему – про работу, про их будущее, а он на калькуляторе ей подсчитывает, что ему, единственному сыну стального российского магната, физически невозможно будет истратить все уже имеющиеся деньги. Так зачем же зарабатывать новые?

Вот же – знаменитое проклятие ресурсов, только на суженном, семейном уровне.

Майка набрала мамин телефон – хотелось немедленно выплакаться в родную жилетку. Вряд ли мама поймет, скорее, скажет что-нибудь типа «дополни его возможности своими». Но она-то хочет идти по жизни с мужиком, а не с кредитной карточкой, пусть даже и безлимитной.

Мама не отвечала.

Наверное, опять министр запер их готовить какой-нибудь доклад президенту – мамуля у Майки была крутая.

Тогда позвонила папе. Тот трубку снял сразу.

– Алло! – ответил папуля.

– Папик, ты как там?

– У нас все отлично. Как у вас?

– У нас тоже все хорошо. – Майке вдруг ужасно не захотелось изливать на папика свои проблемы. Он же испереживается весь.

– Тебя бы вот еще сюда вытащить малыша понянчить, – неожиданно добавила она.

Эта мысль пришла Майке внезапно, уже в процессе разговора.

Если бы только он приехал! Как хорошо было в детстве – прижмешься щекой к папиной груди (мама сантиментов не одобряла), а папа коснется губами Майкиного затылка – и все ее беды разом заканчивались.

И, наоборот, начинались праздники. Иногда, правда, немного странные. Например, сходить на набережную Москвы-реки, напротив «Красного Октября», чтобы понюхать запах шоколада.

Или прокатиться на троллейбусе маршрута «Б» пару колец по Садовке.

Или сгонять на Птичий рынок, погладить щенят и прочую живность, полную, по маминым словам, блох и болезнетворных микробов.

В общем, папа точно не был активным строителем коммунизма. А также – апологетом воспитания подрастающего поколения в духе современных требований.

Но счастливое детство двум отдельно взятым детям он обеспечил.

– Сама понянчишь, – ответил Владимир Сергеевич, и Майка, даже не видя его, точно знала – он улыбается.

Ну да, это ей намек на постоянно делавшую карьеру маму. Нет, определенно надо пройти по жизни где-то посередине между маминим и папиным путями.

– Папик, а ты не знаешь, где мама? Ни по одному телефону нет.

– Знаю, конечно. В Давосе симпозирует.

– Господи, как же я сама не догадалась? Все время ж по телику талдычат, – укорила себя дочка. – А ты один, значит, на хозяйстве?

– А что, это необычно? – Папик, похоже, разозлился.

– Да ладно тебе, папуль. У вас всю жизнь так.

Еще чуть-чуть поболтали, и Майка дала отбой.

В самом деле на душе стало немножко легче.

Только вот папуля в затылок Майку поцеловать может, однако сегодняшние ее проблемы точно не решит.

Придется самой.

Майка вытерла платочком набежавшие слезинки и с потоком ньюйоркцев нырнула в чрево подземки.

Ничего, справится.

Не подведет ни себя, ни родителей, ни своего будущего, но уже такого любимого сыночка.

3

Вадька Чистов был в семье условно младшим ребенком.

По факту рождения как раз получалось – безусловно: он родился через одиннадцать месяцев после Майки. А условность эта возникла уже позже, в середине детства.

Хоть и Майка была вполне разумной девочкой, но когда родители уезжали куда-нибудь в гости, старшим все-таки оставался Вадим. Как-то само собой выходило. Как в сказке «Мужичок с ноготок»: главное – не то, что с ноготок, а то, что – мужичок.

И Майка со временем смирилась – а что, даже удобно: что бы ни случилось в отсутствие родителей, за все отвечает брателло.

Его же это никак не напрягало. Таким родился. Мама смеялась, что он даже в младенчестве вообще не ревел и в подгузники не писал – считал ниже своего мужского достоинства. Тут уже Майка начинала открыто ревновать: «А разговаривать небось с момента рождения начал? И поди, на двух языках сразу?»

Вообще-то со злости она хотела сказать – с момента зачатия. Но сдержалась: папик бы все простил, а с мамулей надо поосторожнее.

Хотя чего злиться-то?

Действительно паренек оказался способный. Все ему давалось легко: и математика, и гуманитарные науки. Правда, именно язык почему-то не шел до поры до времени. Хотя денег на репетиторов не жалели.

А из непонятностей, пожалуй, в Вадикином детстве было лишь его странное и ничем не объяснимое желание стать морским офицером.

То есть как раз в детстве – вполне объяснимое. И даже в юности.

Но не настолько же.

Маму Катю сначала не волновало, что во время поездки в Питер или в Севастополь маленький Вадька буквально влипал взглядом во всех встречных морских офицеров. А уж если можно было полюбоваться на военный корабль, то любоваться всей семье приходилось долго.

В Москве с военными кораблями было гораздо сложнее, но и здесь Вадька находил выходы своему большому чувству. Скажем, когда Майка с папиком выдвигались нюхать запах шоколада на стрелку Москвы-реки, он всегда – если дело происходило летом – увязывался с ними. Шоколад ему был полностью безразличен, но по реке ходили суда: малоинтересные (однако лучше, чем ничего) речные трамвайчики, более «вкусные» будущему морскому глазу баржи с буксирами и даже вполне себе приличные сухогрузы типа «река – море».

Папа, все прекрасно понимая, тайно подыгрывал его интересам: когда Майка, уже нанюхавшись сладкого запаха, просилась домой, Чистов-старший обычно предлагал: «Еще три кораблика». А где три – там бывало и пять.

Если Майка начинала психовать – не из-за ожидания, а, как всегда, из ревности, – на обратном пути ей покупали что-нибудь девчачье. Вадьке ничего не полагалось, да он и не попросил бы – знал, за что расплачиваются с вредной девчонкой.

Не нужно говорить, сколько у пацана скопилось книг флотской тематики, мемуаров, сборных моделей кораблей и тому подобного счастья. Вадик тратил на это все свои карманные деньги, да и Чистов-старший регулярно вносил свою лепту, за что бывал не раз морально бит строгой супругой.

Вначале – за глупые и необоснованные траты. После – когда Вадькино увлечение стало казаться маме подозрительным – за потакание безответственным глупостям сына.

А мальчик тем временем вырос. И в выпускном классе сказал свое веское слово.

Экономистом не будет. Дипломатом – тоже. А будет офицером Военно-морского флота России. Причем сказано это было так, что даже Джет Кэт поняла: решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Даже поплакала немного, несказанно удивив мужа.

Майка, имевшая меньше жизненного опыта, попыталась было отговорить младшего – или старшего? – брата. Ну зачем тебе – медалисту, с двумя языками (выучил-таки, когда папа объяснил, что «безъязыких» морских офицеров-судоводителей не бывает) – гробить жизнь в промозглой железной коробке? Если уж так прет от моря – иди в гражданский флот. А там и до своего бизнеса рукой подать.

Вадька выслушал внимательно – он никогда не перебивал задиристую сестренку. Потом погладил ее по голове – ну точно как папик, разве что в темя не поцеловал – и вежливо отшил. Типа не бери в нежный девичий мозг, все уже решено.

Мама даже собиралась нажать на связи – обычно она этого не делала, – чтобы сына не приняли в училище. Однако Чистов-старший припугнул ее возможной в этом случае армией. Очень даже возможной, так как Вадик вполне мог отказаться откашиваться. И что в таком случае делать?

Оставалась еще вероятность, что Вадька на чем-нибудь срежется: экзамены были жесткими, как по учебным дисциплинам, так и по физическим тестам.

Все прошел мальчик. С высшими баллами. Стал курсантом командно-инженерного факультета. Командного – потому что, несомненно, в итоге хочет командовать флотом. А инженерного – чтоб командовать, понимая, как эти команды будут потом выполняться.

Короче, опять все рассчитал.

На присягу приехали втроем.

Майка всплакнула от гордости за брата – она уже была согласна на его учебу в легендарном питерском вузе. В конце концов, выучившись, можно и поменять специализацию.

Мама всплакнула по другой причине: уже поняла, что теперь всю жизнь будет переживать за тех, кто в море. Правда, ее слегка взбодрили слова местного авторитета: выпуск будет вполтину меньше приема – и флот не растет, и запросы у выпускников, как правило, сильно превышают флотские возможности.

А вот Чистов-старший был спокоен. Он, всегда так трясшийся от всех детских недугов, обегавший с детьми всех заслуженных врачей и честно завоевавший репутацию безумного папаши, сейчас был рад и горд за сына.

Ведь чего он, папа, для него хотел?

Счастья.

А что сейчас светится в Вадькиных глазах?

Оно и светится.

Вот так примерно все и проистекало.

Но сейчас лейтенант Вадим Чистов, подходя рано утром к своему кораблю, думал вовсе не о сложностях собственного пути сюда.

А думал он о том, какой это кайф – неяркое северное солнце, холодные, даже зрительно, серые воды залива и стремительный силуэт МПК, малого противолодочного корабля, у стенки причала. Настоящего боевого корабля.

Корвет – по западной классификации.

Это слово нравилось молодому офицеру больше, чем аббревиатура МПК. Скажешь *корвет* – и все понятно: ветер, море, паруса.

Ну и пушки, конечно.

Потому что лейтенант Чистов – начальник боевой части, БЧ-2. То есть – отвечает за все ракетно-артиллерийское вооружение своего корабля.

А оно – вполне серьезное: Российский флот всегда отличался от западного большим количеством вооружений на единицу тоннажа. Понятно, что жертвовать при этом приходилось удобствами экипажа.

Впрочем, не факт, что такая позиция неправильная: в бою чем больше пушек, снарядов и ракет, тем больше шансов после сражения воспользоваться пресловутыми удобствами. Потому как на дне морском они уже никого не интересуют.

А может, логика и не столь линейна. Те же японцы набивали на борт еще больше пушек и снарядов. Доходило до того, что у них на эсминцах проектов времен Второй мировой вообще не было матросского камбуза – готовили, если не штормило, на палубе, в полевой кухне. Если штормило – обходились сухим пайком.

А главный калибр их линкоров класса «Ямато» – 460 мм – долгое время был самым большим на флотах. Монстр выплевывал тонну взрывчатки за 70 километров. Что не мешало ему, получив множество прямых попаданий торпед и авиабомб, закончить свой путь на грунте рядом с небольшим тихоокеанским островом.

Да, наверное, линейность логики здесь под большим вопросом.

Иначе та же Япония войну не проиграла бы, а выиграла: и техника неплоха, и ресурсами в географических захватах разжила, и моральный дух достаточен – не зря же слово *камикадзе* вошло во все языки.

Да и с Россией только логика к положительным результатам анализа не приведет.

Причем смотреть можно и на исторические примеры, и на сегодняшнюю жизнь.

Например, два последних десятилетия флот жил со знаком «минус».

Однако, хотя пострадал изрядно, до сих пор жив.

И на курсе Чистова таких, как он, энтузиастов было не один и не двое.

Впрочем, логически мыслящих тоже хватало.

Из уже выпустившихся восемнадцати офицеров сразу демобилизовались четверо. Романтика кончилась, а перспективы не начались.

Остальные много чего испытали.

Прежде всего – нехватку офицерских должностей.

Кто-то пристроился при штабе.

Кто-то занял старшинскую в надежде на вакансию.

Вадику предложили службу в Главном штабе, в Москве или Питере.

Разумеется, он отказался. Надо ли было всю жизнь стремиться к волнам, чтобы потом променять боевую рубку на кабинет?

Настойчивость ли вознаградилась или просто повезло, однако Чистов в итоге распределен на Северный флот.

И теперь за спиной не только хорошая должность, приличная зарплата, но и три самостоятельных выхода в открытое море в качестве командира БЧ-2. В последнем – неплохо отстрелялись (говорят, реальные стрельбы – первые за три года). Вадик получил благодарность от командира корабля.

И еще – испытал ранее неведомое чувство: совсем молодые, двадцатидвухлетние парни блестяще сыграли в вовсе не детские игры.

После, в припортовой кафешке, он посмотрел на сослуживцев каким-то другим взглядом. Вроде те же веселые дурни, вон с девушками кокетничают.

Но сутки назад они и выглядели иначе, и голоса у них были другие, и даже глаза.

Ну что ж, путь был выбран сознательно, и страна об их выборе не пожалеет.

Вадим уже собирался подняться на борт своего «корвета», как вдруг остановился, пораженный сколь фантастическим, столь же и привычным зрелищем.

Два мощных буксира, натужно пыхтя неслабыми дизелями, разворачивали в бухте гигантский подводный атомный крейсер, собиравшийся на боевое дежурство.

Этот черный мастодонт с плавными зализанными обводами занял едва ли не половину акватории. Чистов вспомнил про состав его вооружения – не зря же все годы на «отлично» сдавал экзамены и зачеты. Это уровень не его МПК. Это оружие ядерного сдерживания. Если, не дай бог, его мощь была бы приведена в действие, испарилось бы несколько крупных областей вместе с их обитателями.

Не дай бог.

Но подобная техника для того и существует, чтобы не стрелять, а лишь сдерживать вероятного противника, хотя с последним сейчас тоже все непонятно.

Те же Штаты, конечно, не лучшие друзья России.

(Вообще насчет лучших друзей России все было сказано два века назад: это армия и флот. Сейчас можно было бы еще пару родов войск добавить, но смысл от этого не поменяется.)

Однако уж точно США не станут бомбить Россию или оккупировать ее территорию.

Им это просто ни к чему. Они и так эксплуатируют полмира, ничем не рискуя.

Кто может претендовать на наши пространства – так это Китай. Но вряд ли претензии будут реализованы открытым вторжением. Скорее – интенсификацией уже имеющегося тренда: женитьбой трезвых и работающих китайцев на истосковавшихся по непьющим мужикам женщинах нашего Дальнего Востока.

Вот с этим бороться сложнее. И уж точно не военными средствами.

А еще опаснее для страны трясина коррупции, когда непонятно, за что радеют высшие государственные чины – за Родину или за собственные коммерческие интересы, прикрытые женами, детками, родственниками и партнерами.

Но – опять-таки – не лейтенанту Чистову с этим в данный момент бороться.

Его дело в данный момент – чтоб малый противолодочный корабль под номером 3371 в любой момент был готов показать любому противнику все свои зубы.

Рабочий день, вмести в себя тысячу дел, должен был бы тянуться бесконечно. Однако пролетел мгновенно и закончился как-то внезапно.

Ушли домой контрактники, а без своих сотрудников Вадим мог бы подчистить уже далеко не все, что хотел. Он поковырялся со схемами, проверил выполнение своих дневных заданий и засобиравшись домой.

Да, теперь у него есть дом. Получил квартиру, причем – двухкомнатную.

Влез в долги, купил мебель, потому что Томка приезжает на следующей неделе, презрев все – вполне логические – предостережения ее родителей и подруг.

Бракосочетание – здесь же, в Североморске.

Работу ей найти будет непросто. Ну да что в этом мире делается просто?

Вадик попрощался с вестовым у трапа и спустился на причал.

На сегодня – все.

Кое-что из не высказанного вслух

Владимир Чистов, муж Воскобойниковой, отец Майи и Вадима Чистовых. Город Москва

Я никогда не жалел, что женился на Кате. И потому, что очень хотел этого. И потому, что считал, что это предопределено.

А потому старался не сильно обижаться на нее, даже когда было действительно обидно. Какой смысл обижаться на дождь? Или на землетрясение?

Не нравится – да.

Пытаешься как-то сгладить проблему – опять да.

Но для обид – в чистом понимании этого слова – в душе как-то не оставалось места.

Тем не менее...

Помню, как маленький Вадька получил серьезное сотрясение мозга – свалился с теннисного стола, не без помощи чуть более старшей Майки.

Сестренка, остро переживая беду и собственную вину, отчаянно редела.

А вот Вадька молчал, заставляя мое измученное страхом сердце биться через раз.

Катя, разумеется, была еще на работе, несмотря на вечер пятницы.

Я схватил обоих, затолкал Майку в машину на переднее сиденье, Вадика положил на заднее и, не дыша, осторожно, поехал в ближайшую больницу, Третью клиническую. Пока доехали – сынуле стало чуть лучше.

Но все равно он почти не говорил сам и на вопросы отвечал с заметным запозданием.

Молодой доктор проверил неврологические параметры и предложил госпитализировать ребенка. Я спросил: каков прогноз?

Он ответил честно: «Не знаю». Сказал, что, хотя пока все относительно неплохо, за Вадиком нужно постоянно смотреть, буквально неотрывно.

Если вдруг будет ухудшение – немедленно ехать в Морозовскую или еще куда-то, где есть дежурные нейрохирурги, разбираться с возможной внутричерепной гематомой. Компьютерных томографов тогда почти нигде не имелось, и главным было непрерывное наблюдение.

– А у вас будут так смотреть? – спросил я.

Спасибо парню, он ответил честно:

– В выходные здесь только дежурные врачи. По одному на корпус. Невропатолог подойдет к нему в понедельник утром. А нейрохирургов у нас нет вообще.

После этого я написал расписку, что принимаю ответственность на себя, и забрал сына домой. Выяснив адрес Морозовской больницы, оставил машину под окном – обычно я отвозил ее на стоянку. Положил Вадьку на диван, включил неяркую лампу и стал ждать, время от времени проверяя фонариком реакцию его зрачков на свет или задавая какой-то вопрос.

Часам к одиннадцати пришла Катя, усталая, замученная, – она в то время уже была начальником отдела, самым молодым в министерстве.

Конечно, расстроилась новостям, но, убедившись, что все делается правильно, пошла спать – завтра ей предстоял не менее тяжелый день.

А я подумал, что, если б и мог кому передоверить дежурство, все равно бы не пошел спать. Как можно уйти, когда ответ о будущем твоего сына находится здесь? Глаза мои

стали закрываться только к утру. И то только после того, как они весело раскрылись у Вадьки.

А еще был запомнившийся эпизод с Майкой. Тоже связанный с болячками.

На этот раз – последствиями ветрянки. Мы переболели ею довольно легко, сразу с обоими, играя в «елочку» – раскрашивая лопающиеся волдырики зеленкой. Все бы хорошо, но на затылке пара болячек никак не засыхала. Я уж их и зеленкой, и фуксином мазал – ничего не помогало. А любые болячки на голове ребенка меня здорово напрягали – слишком близко к мозгу.

В общем, поехал я к старой подруге мамы, педиатру-кожнику.

Она намутила какой-то белесой болтушки и велела мазать болячки, предварительно убрав рядом находившиеся волоски.

Болтушка оказалась классной: все, что не могло пройти в три недели, прошло за четыре дня.

Вот только одно «но».

Я тогда здорово вымотался – со своей диссертацией возился плюс больные дети – и попросил Катю провести первую процедуру. Она слегка удивилась, но согласилась. А разбудил меня отчаянный рев. Вбежав в детскую, я застал Майку в абсолютном горе. Сон у нее всегда был исключительно крепкий, и Катя так ее спящую и постригла. Ручной машинкой. Наголо.

Я проявил чудеса изворотливости, реанимируя раненую дочкину психику. Мы купили ей пару платков, а один – чудовищно уродливый – даже связали с ней вместе. Это был мой первый и последний опыт вязания крючком.

И все равно, пока волосики не отросли заново, Майка сильно страдала.

Когда я попытался поговорить на эту тему с Катей, она, похоже, меня просто не поняла: волосы срезаны и уже растут вновь. Пугавшие нас болячки на голове исчезли без следа. Ну а слезливость девчонки – следствие слишком нежного воспитания.

Я так и не смог объяснить Кате, что все люди – разные. И что это – нормально. Ненормально, если бы все были такими, как я. Или как она.

Впрочем, объяснил, не объяснил – что это меняет?

В Кате – ничего. В моем к ней отношении – тоже.

И все осталось, как есть, к обоюдному, похоже, удовлетворению.

4

Басаргин так Чистову и не позвонил.

Басаргин к Чистову приехал.

Фирсова подошла к Владимиру Сергеевичу слегка встревоженная:

– Тут вас какой-то серьезный мужчина домогается. «Лексус» еле в наш переулок вполз.

И два охранника.

Чистов сразу понял – Басаргин пожаловал.

Видать, несколько продвинулся в этой жизни сын рабочего-металлурга и воспитательницы детского сада. А еще говорят, что капитализм не дает людям низших сословий никаких шансов.

Врут, похоже.

А вот и сам Иван, лично.

Тяжелой походкой и с тяжелым дыханием.

За ним мелькнул было тревожным глазом специфический человек, совсем не запыхавшийся на лестнице. Но был прогнан недовольным движением басаргинской брови.

– Здравствуй, Володя, – протянул он руку-лопату и тяжело плюхнулся в кресло напротив.

– Привет, – нейтрально поздоровался Чистов и протянутую руку пожал.

В конце концов, Басаргин не сделал ничего, за что ему нельзя было бы пожимать руку. Увод любимой в поступки такого рода явно не вписывался.

– Я понимаю, что вызываю у тебя... противоречивые чувства, – отдышавшись, наконец сказал Иван.

– Да ладно, – махнул рукой Чистов. – Быльем поросло.

– Э-э, не скажи, – не согласился Басаргин. – Что реально зацепило, быльем не порастет.

– Наверное, ты прав, – не стал спорить Владимир Сергеевич.

Да тут особо и не поспоришь. Все так остро, как будто и не было двадцати лет между.

А похоже, будет еще острее: не зря приперся к нему этот кошмар его ночей. И не зря так щемит чистовское сердце.

Басаргин неспешно осмотрелся.

В этом кабинетике его, мягко говоря, недешевые костюм и часы смотрелись явно неорганично.

Зато Владимир Сергеевич, в своем свитерке и джинсах, выглядел лет на десять моложе. И несравнимо здоровее гостя.

Но не все же можно купить за деньги.

– Слушай, Володя, – наконец совсем пришел в себя Иван. – У меня к тебе несколько просьб тире предложений.

Так и сказал – «тире».

– Валяй, – отозвался Чистов.

Он никогда не искал приключений. Но никогда и не прятался от них.

Тем более куда ж от них спрячешься.

– У меня жена есть, Марина, – начал Басаргин

– Поздравляю, – усмехнулся Владимир.

– Чего ты ржешь? – улыбнулся Басаргин. – Думаешь, старик олигарх пригрел молоденькую дурочку?

– Ну какой же ты старик? – ушел от прямого ответа Чистов.

– Я знаю, на сколько я выгляжу, – хмуро сказал Иван. – И медицинское заключение свое читал, хоть врач не рекомендовал. У меня ж двенадцать лет вредного стажа. Да по факту – по полторы смены в среднем, с кадрами на комбинате была проблема. Так что насчет старика – почти верно. Насчет олигарха и молоденькой – еще ближе. Правда, дурочкой там не пахнет.

– А чем пахнет? – Чистов действительно заинтересовался. Даже, скажем так, слегка сочувственно заинтересовался. Все же наличие жены у Басаргина делало его несколько менее опасным для Чистова.

Хотя с этим субъектом никогда ничего не скажешь наперед.

– Любовью – вряд ли, – задумался Иван.

– А тогда чем же? Деньгами?

– Точно нет. – Басаргин, похоже, раздумал раскрывать карты. – В общем, долго объяснять. Особенно то, что самому до конца не ясно. Короче, ей нужна работа. Что-нибудь связанное с экономикой. Зарплата значения не имеет. Тем более я ее тебе все равно буду возвращать.

– Так ты предлагаешь твою жену у меня трудоустроить? – наконец сообразил Чистов. – Ты хоть в курсе, какого масштаба у меня фирма?

– В курсе, – усмехнулся Иван. – Я на свою службу безопасности трачу больше, чем у иной области бюджет.

– И отчего тогда такой выбор? – Владимир действительно не понимал басаргинской логики, и это начинало напрягать.

– Она у меня, – попытался объяснить Басаргин, – человек своеобразный. Сложно рассказывать. Узнаешь ее – может, поймешь. Мне, в принципе, без разницы, где она будет работать. Лишь бы не со мной и с порядочными людьми.

– Звучит двусмысленно, – ухмыльнулся Чистов. – Не со мной, но с порядочными.

– Я сказал – *и* с порядочными. – Лицо Ивана побагровело. – Я не сказал – *но*.

– Ну ты уж так не нервничай из-за деталей, – улыбнулся Владимир.

– Иная деталь может дорого стоить, – пробурчал Басаргин.

Теперь непонятно отчего завелся Чистов.

– Я по сценарию должен испугаться? – тихо спросил он.

Басаргин неожиданно расхохотался:

– Да тебя хрен испугаешь! – Он, похоже, реально развеселился. – Если хочешь знать, я всегда тебе завидовал.

– Это еще почему? – Прыжки мыслей Ивана сбивали Чистова с толку.

– Потому что! – ответил Басаргин. Но снизошел, разъяснил все-таки: – Ты ни разу в жизни ни за что насмерть не дрался, а у тебя все было – деньги, квартира, статус. Даже кандидата в мастера по боксу получил, не боксируя.

– То есть? – разозлился Владимир. – Что значит – не боксируя?

– Я специально дважды ходил, смотрел. Ты в драке был бы жертвой.

– Думаю, я бы тебя на пятой минуте точно уложил, – спокойно проговорил Чистов. – У тебя ж тогда охранников не было.

– Не спорю, – согласился Иван. – Спортом никогда не занимался. Ко второму раунду с таким танцором, как ты, я был бы никакой.

– Ну так в чем тогда твоя логика?

– А в том, что в первые пару минут я бы постарался тебя...

– Убить, что ли? – подсказал Чистов.

– Обезвредить, – подобрал наконец слово Басаргин. И врезал-таки: – Даже когда я у тебя Катку забрал, ты за нее драться не стал.

– Как можно драться за женщину, которая любит другого? – не понял Чистов.

– Вот-вот, – неизвестно с чем согласился Иван. – Тем более она все равно тебе досталась. Вместе с моей дочкой.

– С моей, – теперь Чистов вновь стал спокойным. – С моей дочкой. Ты к Майке отношения не имеешь. Разве что на клеточном уровне.

Басаргин аж рот раскрыл от изумления:

– А клеточный уровень – это что, мало?

– Это – ничего, – отрезал Чистов. – Зеро. Ноль. – И сказал – как добил: – Тебе этого не понять.

Оба прекрасно понимали, что имел в виду Чистов, тоже кое-какой информацией, пусть и без службы безопасности, обладавший: у Басаргина никогда не было детей, хотя его сегодняшний брак был вторым.

– Бабушка надвое сказала, – пробурчал Иван. Но на рожон лезть не стал. – Я не за ссорой пришел.

– А за чем?

– Все так странно сложилось... Я полгода назад залез в «Одноклассники». Знаешь, сеть такая, социальная?

– Слышал, – Чистов никогда не увлекался интернет-серфингом, предпочитая живое общение с тем, кто ему был интересен.

– Там нашел Катьку. Списался с ней.

У Чистова больно кольнуло в груди.

Катерина о переписке ничего не говорила.

– И вот я у тебя с моими просьбами.

– Тире предложениями, – добавил Чистов.

– Именно, – согласился Басаргин. – Первую я уже высказал. Удовлетишь?

Владимир задумался. Честно говоря, ему ничего не хотелось делать для этого человека.

Иван как подслушал:

– Не для меня. Для нее. Ей очень тяжело в Москве.

– Хорошо, – согласился Владимир Сергеевич. Действительно, неведомая ему Марина не должна страдать из-за его странных взаимоотношений с Басаргиным. А то, что ей сложно будет найти работу, имея такого супруга, было очевидно.

Вернее, не так.

Имея такого супруга, найти работу будет проще простого. Но если она не хочет быть тенью мужа, то все стремительно усложняется.

– Какие следующие просьбы? – Чистов решил добить все вопросы до конца.

– Следующая снова касается Марины.

– Чем я еще могу ей помочь?

– Нужно сделать ее жизнь ярче. Ты ж всегда увлекался театром, литературой, балетом.

– Балет – тоже театр. И балетом я не увлекался никогда.

– Черт с ним, с балетом! Мне нужно, чтобы Маринка была веселой. Она пошла за мной... – Басаргин остановился, недоговорив. – Короче, я не выполнил взятых обязательств.

– Слушай, ты меня ни с кем не спутал? – усмехнулся Чистов. – Я не служба эскорт-услуг.

– У тебя мелкий бизнес, – Басаргин как всегда пер напрямую. – Где деньги платят – тем и занимайся. Мне нужно, чтоб Маринка была счастлива.

– То есть ты не смог сделать ее счастливой и теперь хочешь этого, недостающего, купить?

– Слушай, умник, – спокойно сказал Иван. – А по-твоему, порядочнее бросить ее в тоске?

Нет, логика Басаргина точно сбивала Чистова с панталыку.

– Зачем же бросать ее в тоске? – Он явно запутался в басаргинских построениях.

– Так выходит, – ответил тот. – Я забираю у тебя Катьку, а Маринка остается одна. С деньгами у нее проблем не будет. Но дело не в деньгах. Вот.

Чего-то подобного Чистов и ожидал. В горле ни с того ни с сего возникла жгучая горечь, а в животе, чуть ниже солнечного сплетения, тягучая звонкая пустота.

Широкое лицо Басаргина затянулось какой-то дымкой. Чистову вдруг нестерпимо захотелось в это лицо ударить. Он даже подумал, что не сможет пересилить себя.

Однако пересиливать не пришлось.

Ярость отступила так же стремительно, как и пришла.

И в самом деле, какой смысл драться за женщину, которая любит другого...

5

Катерина проснулась даже раньше обычного, хотя и обычно вставала не позднее половины седьмого. День сегодня предстоял крайне сложный. И важный. А потому, несмотря на то что задействованы и востребованы будут только мозги, выглядеть следовало на все сто. Однако для того, чтобы по-настоящему ослепительно выглядеть после сорока – кроме природы, химии и пластической хирургии, – следует не жалеть на красоту не только денег, но и времени.

Их отношения с Володей внешне не изменились.

Разве что после ее возвращения из довольно долгой командировки не случилось супружеской близости. Впрочем, она и раньше не всегда бывала регулярной, хотя Володя никогда не отказывался, он как будто не старел, закупорившись в своей комфортной, не слишком напряжной жизни.

Это порой даже раздражало Катерину.

Она-то впихивала, как буйвол. Иногда, после закрытия темы или важного совещания с присутствием первых лиц страны, когда именно ее головой намечались стратегические планы, она возвращалась просто в изнеможении.

Даже не телесном, а моральном, душевном. Спать хотелось так, что одежду начинала сбрасывать еще в гостиной. Ловила на себе удивленный и желающий взгляд мужа и вместо удовольствия от своей желанности испытывала только раздражение. Ему, легко порхающему по жизни, просто не понять, что такое настоящая усталость. Это ведь не когда мышцы ноют после отбеганных километров. И не когда чертовски хочется закрыть глаза, пропев у костра полночи под гитару. Настоящая усталость – это когда закончено важное, очень важное дело. Ты сделал все, что мог, теперь от тебя уже ничего не зависит, и ты наконец можешь рухнуть в койку, ни на полграмма не чувствуя себя дезертиром. А пока дело не закончено, ты на такую усталость просто не имеешь права. Иногда чувствуешь себя быком на арене: весь в качающихся пиках, окровавленный, но упорно целящий рогами в тореадора и при первой возможности выстреливающий во врага всю тысячу килограммов своего яростного тела.

«Ну вот, – улыбнулась Катерина. – Нашла с кем себя, любимую, сравнить. С быком окровавленным». К счастью, это перебор. Да, она – чиновник точно крупного ранга. Государственного значения. Но, во-первых, чиновник, заточенный на интеллектуальную, а не административную работу. А во-вторых, не превративший свою высокую должность в вульгарную кормушку.

Таким образом, она – не в большом бизнесе. И, что еще лучше, – не в большой политике. Поэтому у нее – высококлассного и абсолютно нейтрального специалиста – не так много конкурентов. И, соответственно, врагов.

Катерина зашла в свою личную ванную комнату и сбросила мягкую, полупрозрачную – долго искала по дорожущим каталогам – ночную рубашку.

Ее ванная – единственное место в доме, которое она не доверила даже очень хорошему интерьерному дизайнеру. Все сделала сама, под себя.

Неброские светло-серые тона очень дорогой плитки оттенялись черными вставками и бордюрами.

Серьезно пришлось поработать и со светом. Теперь он мог быть любым: от нежного пастельного до жесткого заливающего, если что-то нужно внимательно рассмотреть.

Зеркала по стенам были разбросаны так, что в любой момент она могла видеть любую часть своего все еще прекрасного тела.

Она ловко повернулась, чуть присев на одну ножку, как когда-то научили в балетной студии. Что ж, все, кроме лица, ее пока удовлетворяло.

Бедрами Валентина – очень удачный выбор, косметолог и одновременно массажистка – займется завтра. Маникюр и педикюр – в ночь на среду. А сегодня весь оставшийся – ее личный – час она, опять же лично, посвятит своему прекрасному лицу, пока еще прекрасному.

С момента первой пластики прошло уже два года, результат – замечательный. Катя по-прежнему ощущает на себе взгляды встречных мужиков, причем и совсем молодых тоже.

Но так же хорошо знает, что в ближайшие пять-семь лет лицом придется заниматься все больше, а потом, как ни крути, еще одна, весьма по времени затратная, операция.

Она и так-то непростая, два микрохирурга будут работать не менее шести часов, а то и больше. Но самое главное, что после такого вмешательства, даже выполненного отличными специалистами, обязательно нужно куда-то скрыться.

У Катерины остались «технические» фото, сделанные на первый, третий и седьмой дни после операции.

Жуть.

Шок.

Фильм ужасов.

Даже Володино знаменитое спокойствие лопнуло бы, увидь он такое – с узелками из хирургических ниток за ушными раковинами.

А может, и не лопнуло бы.

Она никогда не забудет, как, окончательно расставшись с Иваном, позвонила Чистову. Спросила: «Я все еще тебе нужна?» – или что-то в этом роде.

Он же прекрасно понимал, что означал этот вопрос.

Хорошо хоть деталей не ведал: Иван был с ней – и в ней – буквально за полтора часа до того звонка, они уже догадывались, что это – в последний раз, и чуть с ума не сходили.

Хотя, скорей всего, если бы и ведал, ответил бы так же.

Чистов ее всегда любил больше, чем она его. Это факт.

И ответил предсказуемо. Что нужна.

А потом, через семь месяцев после молниеносной свадьбы, родилась девочка. Небольшого, однако почти нормального веса. Чистов, конечно, – расслабленный персонаж. Но уж точно не дурак. Тем более всю жизнь увлекался биологией. Тем не менее – ни словом, ни полсловом, ни намеком.

Катерина потом пристально наблюдала за его отношением к Майке.

Дай бог всем детям такое отношение.

Со временем ситуация потеряла остроту и подзабылась. А кроме того, все равно есть вероятность, что девочка, родись она позже, просто была бы крупной – родители-то оба немаленькие. Да и ДНК-анализ никто не проводил.

Катерина уже почти заканчивала священнодействие с собственным лицом, как в спальне зазвонил мобильный.

Господи, кто ж в такую рань? С работы? Или, не дай бог, что-то с Майкой?

Она бросилась к телефону – точно, Майка. Нажала кнопку приема.

– Дочка, что у тебя?

– У меня все нормально, – отозвалась Майка. – Это что там у тебя?

- Что ты имеешь в виду? – Катерина снова уже была в защитной броне.
- Мне звонил некто Басаргин. Нес какую-то хрень.
- Какую?
- А ты не знаешь? – ядовито поинтересовалась дочка.
- Догадываюсь, – не по-утреннему устало ответила мама.

Значит, не послушал Иван ее советов и просьб. А когда он кого-нибудь слушался? Это ж не Чистов.

– Ну так и меня просвети, – не очень вежливо попросила Майка. – Про грехи молодости.

А вот это следовало уже пресечь.

– Дочка, ты уверена, что выбрала правильный тон? – мягко спросила она.

– Ну, пусть не грехи, – сдала назад Майка. Но сдаваться отнюдь не собиралась. – Мне ж интересно, кто у меня папа.

– А Володя тебя уже в этом качестве не устраивает? – надавила на Майкины чувства Катерина.

Но Майка на хитрости и сантименты не повелась, видно, звонок был не спонтанный.

– Мам, ты не вилай, говори прямо. Кто мой отец? – поставила она вопрос ребром.

«Вся в меня», – мысленно не смогла не оценить Катерина. А вслух честно сказала:

– Не знаю.

В трубке повисла тишина.

На том конце земного шара напряженно обдумывали ситуацию.

Потом всхлипнули.

Потом трубку бросили.

Ну и ладно. Конечно, ничего хорошего в происходящем не наблюдается.

Но и ничего ужасного. Девочка уже большая, сама скоро мамой будет.

Разберется как-нибудь.

Полностью собранная, одетая и подкрашенная, Екатерина вышла в гостиную.

На полноценный завтрак времени не оставалось, но чашку крепкого кофе у нее никто отнять не сможет, ни Майка, ни Басаргин, ни даже президент России.

Муж – или теперь уже бывший муж? – тоже был настроен на кофе. Правда, с добротными приготовленными сэндвичами на поджаренном тостовом хлебе.

– Будешь? – подвинул он один к Катерине.

– Спасибо, – не смогла удержаться она.

Чистов готовил не только вкусно, но и красиво: как во время процесса, так и по его результатам.

Она взяла бутерброд, откусила кусочек. Подвинула к себе чашечку свежесваренного кофе.

Чистов, глядя на нее, печально улыбнулся: Катенька даже ест изящно и сексуально. Вот этому точно не научишься, это у женщины либо есть, либо нет.

Тяжело ему будет без нее. Казалось бы, так отделились за последнее время... Да и раньше-то отношения были не вполне двухсторонними. Но теперь, перед близким расставанием, перспектива больше никогда не увидеть жену в их общем доме угнетала Чистова.

А в том, что Джет Кэт поступит только так, как объявила, у него сомнений не было: мол, раз она инициатор разрыва, то она и уезжает.

Не в гостиницу, конечно.

В квартиру своих покойных родителей. Ее, после их ухода из жизни, ни разу не сдавали, держали для детей.

С точки зрения комфорта у Катерины мало что поменяется. Жилплощадь у чрезвычайного и полномочного посла Советского Союза Степана Петровича Воскобойникова – в сталинской высотке между Садовой и тремя вокзалами – была серьезной даже по новорусским стандартам, имелось даже два машиноместа в подземном гараже.

Тем более что к свадьбе Майки в квартире сделали серьезный ремонт, привели в порядок всю сантехнику, поставили современное домашнее оборудование. Не трогали только историческую планировку и по возможности мебель: Кате не хотелось, чтобы исчезала хотя бы такая память о папе с мамой, да и о собственном ее детстве.

Майке, правда, квартира пока не понадобилась: они с мужем решили доучиваться в Соединенных Штатах.

Зато неожиданно понадобилась ее маме.

«И Басаргину», – уколола и без того расстроенного Чистова мысль о том, кто наверняка разделит с его Катей жизнь в старой роскошной квартире. Это никак не задевало его в материальном смысле: Чистов вполне самодостаточен, да и Басаргин ныне без малого – олигарх, головастый уральский паренек не прошел мимо уникальных возможностей 90-х. Но ведь этот товарищ не только жилое пространство собирается делить с его Катей!

Одно, несомненно, утешало и поддерживало Чистова.

Детей Катенька родила все-таки ему, а не этому уральскому нуворишу. И дети останутся его, пока Чистов ходит по этой земле.

Да и после – тоже.

– Басаргин с тобой говорил? – спросила Катя.

– Говорил, – односложно ответил Чистов.

– О чем, если не секрет?

– Секрет. – Он вовсе не хотел грубить, просто не очень понимал, как объяснить своей, пусть и бывшей, жене суть басаргинского предложения.

– Ну, как хочешь, – пожала плечами Катя. Ее почему-то задел этот запоздалый бунт на корабле: раньше-то сложно было представить, чтобы муж так ей ответил.

Но тут же улыбнулась: Володя, увидев, что она доедает вкуснейший сандвич, вскочил сделать ей следующий.

Иван точно не разбежится, она-то помнит. Он, в отличие от Чистова, привык заниматься завоеванием мира, а не его обустройством.

– Может, все-таки останешься тут? – спросил Чистов. – Я бы к маме переехал, мне все равно теперь придется к ней часто ездить.

Сказал – и пожалел о второй части фразы.

Получилось жалковато и как-то с укором: мама, мол, очень переживает, придется чаще ездить. Надо было ограничиться первым предложением.

Однако Катерина вроде таких тонких подтекстов не заметила.

Просто сказала – нет.

И опять – дело не в тонком благородстве и уж точно не в квадратных метрах. Дело – в детях. Майка может вернуться на каникулы. Вадька приедет в отпуск. Неправильно будет, если они застанут в отчем доме чужого дядю.

Так что решение окончательное и бесповоротное.

А еще Чистову почему-то ужасно хотелось узнать: они с Басаргиным уже *успели* или еще нет?

Ревность, конечно, имела место в этом желании знать. И она была бы почти невыносимой, не произойди на прошлой неделе некоего эпизода в вечернем офисе. Как ни странно, собственный *финт* слегка умерил ужас осознания того, что его Катей физически будет обладать этот верзила.

Но еще больше волновало другое: если *уже* – то надо попытаться смириться и жить дальше, а если *еще нет* – то остается надежда на чудо.

Но не спросишь же Катю – вы *уже* или *еще нет*?

Он вынул из тостера поджаренный хлеб, положил на него аккуратно нарезанный сыр и ветчину из индейки. Сверху – две тонкие дольки свежего огурчика, один кружок, тоже тонкий, помидора и пару листиков зелени. Сандвичи поставил на жостовский подносик, а уже его – два произведения прикладного искусства на третьем – подвинул к Кате.

Та улыбнулась и взяла бутерброд.

– Тогда уж еще и кофе добавки, – попросила она.

Не вопрос.

Через минуту алюминиевая капсула честно отдала свою бразильскую душу московскому кипятку – Чистов и домой приобрел это скорострельное кофесозидательное чудо. Да еще такого яркого лимонного цвета, что даже в хмурое московское утро хотелось улыбнуться.

Катенька, улыбаясь, ела.

Ему было приятно, что труд отмечен. Но мысль о том, что, возможно, это последний их домашний завтрак, отравляла радость момента.

Катерине, похоже, тоже.

Она перестала улыбаться.

«Мы в ответе за тех, кого приручили», – вспомнила Воскобойникова старую истину. Бедный Чистов! Да и окружающие от их развода будут в шоке, не говоря уже про детей. Верх нелогичности. И почему только любовь так редко совпадает с логикой?

– Все переживем, Володь, – сказала она, прикоснувшись рукой к его лежавшей на столе ладони.

– Наверное, – вздохнул он. – Куда ж нам деваться?

– Вот именно. Как на работе-то дела?

– Ничего, идут потихоньку. Твой знакомый очередной заказ на ежедневники сделал. Выгодный.

– Очень хорошо.

Екатерина Степановна у государства денег никогда не тырила, воспитание не позволяло. Но ее положение так или иначе приводило к тому, что дополнительные деньги в семье появлялись.

Тот же знакомый, о котором шла речь, – директор довольно крупной нефтяной компании, Хаджоев. По большому счету ему без разницы, где заказывать ежедневники. Да директор никогда их лично и не заказывал – не тот уровень.

Однако, узнав, что муж Воскобойниковой занимается этим мелким бизнесом, дал указание своим хозяйственникам брать продукцию у него.

Пустяк, мелкие деньги и уж точно не взятка – даже цена была вполне рыночной. Но отношения подобные жесты точно не портят. А доброжелательное деловое внимание со стороны чиновницы такого ранга уже немало стоит.

– А что тут особо хорошего? – вдруг спросил Чистов. И спросил как-то необычно: как будто сам себя, а не сидевшую рядом пока еще жену.

– Не поняла, Володь. – Она действительно не поняла его мысли.

– Я про то, что без тебя этот заказ вряд ли бы мне достался, – объяснил он.

– Ну и что? Во-первых, я Хаджоева об этом не просила. И ничего ему за это в зубах не принесла. Во-вторых, ты с ним по реальным ценам работаешь. По нереальным его сотрудники работать бы не стали. Ну и некое «в-третьих» тоже присутствует.

– Что – в-третьих? – не понял Чистов.

– Если б ты двадцать лет не прикрывал мой тыл, я вряд ли была бы сейчас интересна Хаджоеву, – спокойно ответила она.

– Ну, сейчас ты же сможешь обходиться без этого, – грустно произнес Чистов.

– Не знаю, – также грустно ответила Катерина. – Не пробовала.

Они встали.

Владимир Сергеевич привычно взялся убирать посуду.

Катерина взглянула на часы, сжала губы и... тоже стала помогать убирать со стола. Даже протерла его влажной тряпкой, чего на памяти Владимира не делала никогда – постоянно спешила изменять мир.

– Ты и в самом деле готовишься к новой жизни, – усмехнулся он.

– Володя, старая жизнь мне тоже очень нравилась, – мягко сказала она. И добавила: – Благодаря тебе.

– Спасибо, – тихо сказал Чистов.

– Не грусти ты так. – Она просто не могла смотреть в его глаза. Они стали какими-то по-собачьему печальными. – Лучше посмотри на себя в зеркало. Меня целый коллектив обслуживает, чтобы я нормально выглядела. Массируют, мажут. Даже режут. А ты сам по себе красавчик. Аж завидно!

– Ты бы меня и без массажа устраивала, – вздохнул Владимир.

– А знаешь, – постаралась не заметить скрытых предложений Катя, – может, все и к лучшему. Может, я твои способности зажимала, а ты сейчас их раскроешь. Ведь может такое быть?

– Может, – неожиданно ответил пока еще муж. – Я подумываю о смене жизни.

– Только без резких движений, ладно? – попросила Катя. – Чтобы не получилось, что одно потерял, а другое не получил.

– Я человек осторожный, – улыбнулся Владимир. – Семь раз отмерю.

– Да уж, пожалуйста, – улыбнулась в ответ жена.

– А уж потом отрежу, – неожиданно закончил он фразу, которую она посчитала уже законченной.

Посуда вся была убрана и вручную вымыта – Чистов не доверял тонкостенные кофейные чашки посудомоечной машине.

Они вышли из кухни и остановились в большом светлом холле. На стенах висело множество фотографий Майки и Вадика – от грудничков до студентов. Все сделаны отцом, им же любовно подобраны рамки.

На них сейчас смотрели их собственные дети, причем не менее чем в полусотню глаз.

– Ну что, я пошла, Володенька? – тихо спросила Катя.

– Давай, – так же тихо ответил он, опустив голову.

– А хочешь – пойдем в спальню? – вдруг решила Катерина.
– К министру опоздаешь, – неловко пошутил Чистов.
– Не ерничай, – закрыла она ему рот ладонью. – И так тошно. – И уже своим обычным тоном сказала: – Пошли. Ты пока мне еще муж.

И он, как обычно, пошел за ней.

Уже в спальне попытался задать вопрос:

– А ты с ним...

– Успокойся. Нет, – четко ответила она. – Я же с тобой еще не развелась.

Хотя на самом деле – да.

И уже – через два десятка лет после первой вспышки – не единожды.

Но, как почти любая женщина, уверенная в том, что неприятная для сегодняшнего партнера информация может быть скрыта, легко сказала неправду. Хотя в данном случае вовсе не для того, чтобы избежать ответственности. А чтобы просто не причинять лишней боли.

Катерина быстро разделась, машинально отметив, что тридцать утренних минут – коту под хвост.

Ну и черт с ним. В конце концов, она первый раз в жизни изменяет старому любимому со старым мужем. Чистов тоже разделся, с удовольствием поймав восхищенный взгляд жены. Пробегать по утрам пять километров ежедневно – это действительно полезно. Хотя и не всегда помогает в семейной жизни.

Он лег рядом.

Она сама его обняла, поцеловала.

Потом легла на спину, как ему нравилось.

Он медлил.

Может – потому, что не вполне понимал свое нынешнее положение.

Может – потому, что совсем недавно, впервые в жизни, был в другой женщине.

А может – потому, что предстоящие минуты могли оказаться последними такими минутами в его жизни. По крайней мере – в его жизни с Катей.

– Ну, что же ты? – ласково спросила она.

– Может, останешься? – то ли спросил, то ли попросил он, склоняясь над ней.

В ответ она молча обняла его и притянула к себе.

Больше они ни о чем не говорили.

Ни в постели. Ни после душа.

Попрощались у выхода из подъезда, поцеловались и разошлись – она к машине, водитель уже давно ее ждал, он – к парковке, где стояла его «аудюха».

6

Владимир Сергеевич, расставшись с Катериной, на работу не поехал. Ему неожиданно стало так плохо, что вернулся домой.

Плохо не физически – пульс не изменился. Просто вдруг, вещественно и осязательно, в его мозгу вырисовалась мысль, что жить-то больше незачем.

И не для кого.

У него в прямом смысле слова опустились руки и подогнулись ноги. Он лег на диван, не раздеваясь и не снимая ботинок. Если б кто вошел – сильно бы удивился. Да и сам себе Владимир Сергеевич сейчас удивлялся. Но, во-первых, не сильно – сил-то как раз и не было. Во-вторых, как-то отстраненно. Как бы наблюдая со стороны. Так он пролежал не менее двух часов, пока в опустевшую и отяжелевшую голову не пришла другая мысль, сколь бесхитростная, столь же и очевидная.

Он вдруг представил, что Вадька и Майка остались без отца и как им плохо, одиноко и незащищенно, несмотря на то что свое совершеннолетие оба уже давно отметили.

Вот теперь пришла боль и горечь. Даже заплакать захотелось, впервые за последние тридцать с лишним лет. Зато появились силы. И когда их стало достаточно, он встал, поправил одежду, прошелся щеткой по туфлям и двинулся на работу.

Только теперь автомобилю предпочел метро: за руль садиться было явно рано.

До работы доехал ожидаемо быстро – метростанция пока даже в Москве ходит без пробок, – а также на удивление комфортно, народу почему-то было немного. Может, из-за серой погоды – всю ночь опять шел полудождь-полуснег – и экстремально низкого атмосферного давления: те, кто мог себе позволить, остались дома.

Чистов тоже остался бы дома: сотрясенная похлеще, чем ударом тяжеловеса, голова сопротивлялась всем попыткам настроиться на работу.

Впрочем, он уже знал, что дома было бы только хуже: ведь еще вчера это был их дом, а сейчас – непонятно чей.

Фирсова встретила приятным сообщением: два новых серьезных заказа. В другой день Чистов бы обрадовался. Сейчас – лишь сделал вид, чтоб не обидеть.

Машинально отметив, что и из этих двоих самый крупный – от Катиного знакомого. Второго клиента на рекламной выставке честно выцепил Щеглов, он и в самом деле был талантливым менеджером.

Наталья, почувствовав, что начальство не в духе, не стала грузить его прочими производственными мелочами.

Вообще, с ней было максимально комфортно – и на работе, и в личных отношениях. Она вела себя так, будто ничего между ними не произошло. И делала это столь естественно, что уже и сам Чистов начинал сомневаться: а были ли на самом деле те необычно закончившиеся именины?

Устроившись за столом, решил просмотреть балансовый отчет, подготовленный Волковой. Вместо этого вновь, как в тот вечер, положил руки на стол, а голову – на руки. Разве что теперь лоб касался не мягкой и теплой шерсти свитера, а прочной холодноватой материи модного пиджака – за внешним видом мужа Екатерина следила так же, как и за своим. «Бывшего мужа», – сам себя поправил Владимир. Что это такое – одинокая жизнь после двадцати с лишним лет брака, – ему только предстояло выяснить.

Запищал сигнал внутреннего селектора. Чистов неохотно поднял голову и нажал на кнопку.

– Владимир Сергеевич, к вам пришли, – раздался голосок Наты Маленькой. – Можно зайти?

Господи, как же некстати!

Владимир мгновенно вспомнил и разговор с Басаргиным, и его, мягко говоря, нестандартную просьбу. Хорошо хоть, что сейчас может идти речь только о первой части этой просьбы – приеме его нынешней жены на работу.

А неплохая была бы рокировка, вдруг ухмыльнулся про себя Чистов, женись он в итоге на осчастливленной жене Басаргина!

Но веселья – даже на секунду – не получилось.

Он настолько не хотел оставаться без Кати, что никакая другая женщина в данный момент его не интересовала.

– Пусть заходит, – ответил он. Отказываться нельзя, иначе получится, что вместо Басаргина он мстит и без того оказавшейся в непростом положении девице. А раз нельзя отказаться от неприятного дела, значит, надо его побыстрее закончить.

Гостя вошла, поздоровалась.

– Вы Марина? – на всякий случай уточнил он.

– Да, – подтвердила она.

Он вышел из-за стола, помог ей снять пальто и усадил за стол, напротив своего кресла. Вообще-то он был удивлен.

Ожидал увидеть холеную даму, в свои тридцать выглядевшую на двадцать пять.

Ожидал дорогого и умелого макияжа.

Наконец, уверенных глаз ожидал и жесткой речи, свойственной внезапно разбогатевшим людям.

Все оказалось не так, ну, может, кроме первого предположения. Дама на тридцать действительно никак не тянула.

Но она и на *даму* – в этом смысле – тоже не тянула. Тем более – на холеную.

Скорее на симпатичную девочку-подростка, так сильно ботанившую в школе, что глазки смолodu испортила – стекла в стильных очках были явно с немаленькими диоптриями. Правда, красивых, заметно азиатского разреза, глаз они не скрывали.

«На Урале – где Азия и Европа не раз сходились то войнами, то семьями – таких глаз много», – подумал Чистов.

Макияжа не было никакого, а очень стройная фигурка – даже, пожалуй, слишком стройная, действительно с оттенком подростковости – была облачена в черные джинсы и грубоватый серый свитер. Причем вещи – обычные, не супердорогие. Вполне возможно – распродажные, модели трех-четырёхлетней давности, в этом он благодаря Катерине разбираться научился.

– Не соответствую описанию? – улыбнулась девушка.

«А она не такая уж и робкая», – оценил Чистов.

– Дело в том, что у меня не было вашего описания.

– Ну, значит, ожиданиям, – еще раз удивила его гостя.

– Ну, в некотором роде, да, – вынужден был согласиться хозяин кабинета. – Так на какую позицию вы бы хотели устроиться? – перешел он к деловой части разговора.

– Я могла бы работать в бухгалтерии.

Чистов отрицательно качнул головой. На двадцать-тридцать операционных проводок в месяц второй бухгалтер точно не нужен.

– Могу переводить с английского и китайского, – продолжила Марина.

– С китайского? – удивился работодатель. – Вы и им владеете?

– Он мне родной, – улыбнулась девушка. – Мой папа – китаец, Ли Джу. Учился в Свердловске. Потом долго жил в России.

– А где он сейчас? – непонятно почему спросил Чистов.

– В Гуанчжоу, – не удивилась вопросу Марина. – Крупный предприниматель. Я несколько лет жила у отца. Да и сейчас часто летаю.

Вот те раз. Владимир настроился на другое понимание ситуации: бедная девочка зацепила матерого мужичка. Может, даже не только из-за денег – это Чистов вполне допускал: Катеньку же Воскобойникову сын пролетария Басаргин не деньгами сманил. А тут оказалось – не совсем бедная.

Скорее даже – совсем не бедная. Он почти сразу вспомнил: фамилию Ли Джу слышал от жены и знал из деловой прессы – в контексте продажи этому самому китайцу серьезной доли в российских металлургических комбинатах. А тот в ответ обещал многомиллионные инвестиции. Разумеется – не в рублях.

– А в бизнесе отца не захотели работать? – спросил Чистов. – Ему разве не нужны свои люди, к тому же – знающие русский?

– Я, вообще-то, ветеринар, – ответила Марина. – И хотела бы работать только с животными. Ну а если это невозможно – то где угодно, кроме как у родственников. Ваши дети с вами работают?

– Нет, – честно ответил Чистов.

И все же ему было кое-что непонятно.

– Марина, я не против вас взять, но если вы хотите работать в ветеринарии и материальные проблемы у вас не стоят, то зачем вам рекламно-производственная фирма?

– На самом деле все без загадок, – как-то утомленно объяснила девушка – видно, эта тема ее давно достала. – И отец, и Иван против любой моей работы. А против работы со зверьем – особенно. У них есть на то причины.

Поскольку раскрывать причины она не стала, то Чистов не стал и допытываться.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Есть у меня идея. Мы поставляем довольно много сувенирной и канцелярской продукции из Европы. Если вы найдете замещающую китайскую – не худшего качества и дешевле, – то вот она и ваша работа.

– Думаю – смогу, – просто ответила она.

А потом так же просто задала ошелоливший Чистова вопрос:

– А можно поинтересоваться: вы и вправду согласились махнуть с Иваном женами? У него перехватило горло.

Несколько секунд Владимир Сергеевич просидел, можно сказать, с открытым ртом. Потом, придя в себя, кратко ответил:

– Нет.

– А он предлагал?

Чистов, подумав мгновение, ответил честно:

– Прямо – нет.

– Значит, косвенно все же предлагал, – усмехнулась Ли Джу. Теперь она вовсе не была похожа на старшеклассницу. – А вы ему в морду дали? – продолжила она свой более чем странный допрос.

– Нет. – Чистов уже снова был в форме.

– Почему? На труса вы не похожи.

– Спасибо и на этом, – невесело усмехнулся Владимир. И, собравшись духом, ответил на главный вопрос: – Если твоя женщина без принуждения выбрала другого, какой смысл этого другого бить? Вы же не собираетесь мстить Кате?

– Я как раз размышляю на эту тему, – спокойно сказала та, глядя своим непроницаемым взором прямо в широко раскрытые глаза Чистова.

И более не сказав ничего, лишь договорившись о дате начала работы и вежливо попрощавшись, через пару минут ушла. Даже не спросив о предполагаемой заработной плате.

Чистов задумался.

Девушка его заинтересовала. С самого начала. А уж от завершающей части беседы его пульс до сих пор полностью не восстановился.

Да и как сотрудница точно устраивает, особенно с учетом того, что ее зарплату и бонусы будет возмещать Басаргин.

Самый же главный плюс был в том, что заполнявшая его до момента встречи тоска заметно ослабла. И это внушало надежду, что со временем в самом деле может стать легче.

Главное – поменьше думать о Катерине. Что ушло, того не воротишь – вот основная мудрость его теперешней жизни.

Несомненно, Чистов принял правильное решение.

Но, как это с людьми часто случается, приняв правильное решение, он тут же совершил неправильное действие.

Почти машинально набрав Катин номер, Чистов, вместо того чтобы сбросить звонок, дождался ее ответа.

– Алло?

– Это я, Кать, – тихо сказал Владимир.

– У тебя все в порядке? – спросила она. Конечно, ей было тревожно за бывшего мужа: если он обеспечивал ей тыл, то она ему – все остальное.

– Да, – не знал, что сказать, Чистов. – Жена Ивана приходила.

– Нашли ей работу?

– Оказалось, она знает китайский и имеет серьезные контакты в Гуанчжоу.

– Вот это да! – радостно удивилась Катерина. – Да вы удвоите прибыль, когда сами начнете все возить, тем более – из Китая. А качество там вполне достойное, нужны только правильные партнеры.

– Ну да, – согласился Чистов. И, чтоб не молчать – вешать трубку совсем не хотелось, – спросил: – Из детей никто не звонил?

– Майка только. Еще утром, дома. Разве я тебе не сказала?

– Нет.

– Странно.

– Что дочка хотела?

– Узнать, кто ее отец, – в лоб объяснила Катерина. – Ей Басаргин звонил.

– Зачем? – разозлился Чистов. – Это вообще не его дело!

– Не факт, – устало сказала Воскобойникова. – Есть шанс, что и его тоже. Ты же в курсе. И всегда был в курсе.

– Да плевать мне на шанс! – заорал Чистов. – Она ж беременная! Ей сейчас нужен весь этот психоз?

– Беременность – естественное состояние женщины, – скучным голосом сказала Катерина. – Понервничает – успокоится. – И положила трубку.

Чистов с полминуты послушал короткие звонки и принялся набирать Майкин номер. Когда дело касалось здоровья детей, он всегда был чуточку сумасшедший, в отличие от спокойной и уверенной супруги.

К счастью, Майка ответила сразу, а то б седины у него прибавилось – каких только страшных картин в своем сознании он уже не нарисовал.

– Дочка, привет! – закричал он в трубку.

– Привет. – Она точно была не в лучшем настроении – уж что-что, а душевное состояние своих детей Чистов мог определять мгновенно.

– Ты что в печали? – взял он быка за рога.

– А с чего мне радоваться? – откровенно заплакала обычно стойкая Майка. – Вы с мамой расходитесь. Я с Сашкой – тоже. Да и чья я дочка – неизвестно.

– Моя, – сказал Чистов.

– А ты делал генный анализ?

– Мне плевать на генный анализ. – Теперь уже и папа разозлился. – Был бы рядом – дал бы тебе по башке!

Это, несомненно, была не более чем фигура речи: за все двадцать лет отцовства Чистов ни разу не дал детям ни по башке, ни даже по попе.

– Папик, был бы ты рядом... – прошептала Майка, которую, похоже, уже перестал волновать генный анализ.

– В общем, так, – принял решение Чистов. – Я сейчас к тебе вылетаю, на месте во всем разберемся. Через полсуток буду. Продержишься?

– Продержусь. – Майка реально повеселела.

И поскольку она даже не попыталась отговорить его от хлопотного путешествия, Чистов убедился, что лететь надо действительно срочно.

«Хоть и двадцать три девушке, – думал он, заказывая электронный авиабилет, – а приезд в критический момент папы сразу сделает этот момент чуть менее критическим. Да и в сорок один, наверное, так же.

К несчастью, чем мы старше, тем менее способны их защищать. А потом мы уйдем, и они останутся одни...»

В аэропорт поехал на электричке, так спокойнее, тем более что вещей с собой практически не было. Загранпаспорт лежал в бумажнике, так как обычный находился на замене по ветхости. Виза была с прошлого года и действовала еще семь месяцев. Более чем достаточно.

Сообщив Майке номер рейса, Чистов прошел контроль и направился к выходу, обозначенному в посадочном талоне.

Там, в маленьком накопителе, собралась уже изрядная толпа – Владимир с трудом нашел себе место.

Среди разношерстных путешественников выделялась многочисленная – несколько десятков человек – сплоченная группа. Старомодные черные лапсердаки до колен, черные шляпы и разноцветные, преимущественно тоже черные, бороды. Хотя в руках у многих – вполне современные ноутбуки и смартфоны.

– Хасиды, – пояснил недоумевающему Чистову более опытный пассажир. – Они этим рейсом часто летают. В Нью-Йорке у них духовный центр.

Хасиды тем временем стали в компактный полукруг, вперед вышел один из них и вслух начал читать молитву. Остальные читали про себя, иногда повторяя сказанное ведущим.

Не надо было знать древнееврейский, чтоб понять – они молились за то, что бы к мощи моторов и рассчитанной инженерами подъемной силе Всевышний добавил бы еще немножко божественного провидения.

Наверняка среди пассажиров были и атеисты. Но сколько Чистов ни всматривался в лица, не нашел ни одного, кто был бы недоволен обрядом.

Да и ему – в нисколько степени не иудею – стало как-то спокойнее перелетать океан в такой богоугодной компании.

В салоне он оказался рядом с одним из хасидов, крепким мужичком лет пятидесяти, с полуседой могучей бородой – все сидели вперемежку. Его соседа справа звали Арье, а когда тот снял свою широкополую черную шляпу, то под ней оказалась маленькая черная вязаная шапочка – кипа.

Не успели взлететь – хасиды начали раскрывать внесенные на борт съестные припасы. У голодного Чистова аж голова закружилась от замечательных запахов. Краем глаза он углядел в пластиковых судках тушеную курицу, котлетки, жареное мясо, разнокалиберные пирожки, хумус и даже фаршированную рыбу.

Стюардесса попыталась было отчитать гурманов, ссылаясь на то, что устраивать весь этот пир желудка, пока остальные еще не получили свой авиаобед, негуманно, но хасиды резонно ответили, что еды хватит на всех.

И в самом деле, через десять минут все, кто хотел, уже жевали.

На этом незапланированная трапеза не закончилась.

Откуда-то возникло довольно большое количество литровых бутылок с водкой «Белуга». И если пронос на борт самолета еды еще как-то можно было объяснить, то одновременное явление народу двух десятков больших бутылок – между прочим, до краев наполненных, – было практически необъяснимым.

– Чудо, – ехидно поддел пассажир слева от Чистова.

Сосед справа не смутился.

– А почему бы и нет? – спросил он, весело улыбаясь сквозь бороду. – Разве от этого кому-то стало хуже?

Веселящего напитка, который к тому же оказался кошерным, тоже хватило практически всем желающим пассажирам. Даже строгая стюардесса, сначала выговаривавшая хасидам про запрет на алкоголь не из дьюти-фри, к концу перелета подозрительно зарозовела и повеселела.

Чистов сначала не хотел пить, но потом поддался и со всей честной компанией рюмочки три принял.

Сразу расслабился, спало, отступило сжимавшее его последние дни напряжение.

– Вы всегда такие веселые? – спросил Владимир религиозного соседа.

– Когда нет повода для печали – да, – кратко ответил тот.

Потом, когда разговорились, Чистов узнал от Арье много интересного.

Например, хасиды были уверены, что Всевышний создал людей – и их в том числе – для радости.

А если в жизни пока не все хорошо, то унывать тоже не стоит.

Во-первых, потому, что без печали ты просто не сможешь потом ощутить радость.

А во-вторых – и эта мысль глубоко засела в голове Чистова, – божественный свет есть в любом жизненном, материальном проявлении. Даже там, где, казалось бы, все мрачно.

И человеку, чтобы исправить ситуацию, вовсе не нужно воевать с мраком. Ему нужно лишь освободить уже имеющийся здесь свет.

Здесь – и в каждом из нас.

Потом разговор перешел на более прозаические темы.

Узнав, что у Арье девять детей, Чистов рассказал ему про Майку, которая собирается рожать своего первенца в чужом Нью-Йорке.

– Не проблема, – улыбнулся Арье, и в записной книжке Чистова появилось несколько телефонов акушеров и педиатров, которые не только были крутыми профессионалами, но и могли понять любую просьбу пациента, высказанную по-русски.

Короче, полет – по личным ощущениям Чистова – прошел гораздо быстрее, чем мог бы. И гораздо приятнее, тем более что удалось еще и прилично вздремнуть.

Когда «Боинг» скользил над Гудзоном, целясь на посадочную полосу аэропорта имени Кеннеди – пассажиры, кстати, могли наблюдать процесс на экранах своих мониторов, вмонтированных в спинку впереди стоящих кресел, – Чистов вернулся мыслями к Майкиной ситуации. Да и своей тоже.

И странное дело – сейчас она уже не казалась ему такой безысходной, как десять часов назад.

Он даже про себя перефразировал Высоцкого: «Хорошую религию придумали хасиды...»

А потом двадцать минут в длинной, но быстро движущейся по лабиринту из натянутых лент очереди к пограничным кабинам. Предъявил визу, приложил пальцы к сканеру. Далее – шлепок печати в паспорт, и ты уже по-настоящему на американской земле.

Повертел головой – Майку среди встречающих не нашел.

Двинулся по второму кругу – она нашла его сама.

Налетела, подпрыгнула, обняла за шею. Чистов даже испугался – какие могут быть прыжки в ее положении?

А Майка уже была с папой.

Она прижалась лицом к его груди, схватила его двумя руками за куртку. А он чуть нагнулся и поцеловал ее в макушку.

Они, несомненно, были счастливы.

Ну и при чем тут генный анализ?

Кое-что из не высказанного вслух

Алексей Годовик, одноклассник Ивана Басаргина, пенсионер по горячему стажу. Город Нижний Тагил

А я и в самом деле не знаю, кто мне Ванька – друг или враг.

Познакомились мы в Свердловске, когда сдавали в приемной комиссии института школьные аттестаты и всякие справки. С тех пор, похоже, не расставались.

Я никогда не скрывал: Ванька из нас двоих – главный. Меня это не угнетало.

Мой батя, например, закончил службу подполковником. Что ж, ему теперь всю жизнь мучиться, что не генералом?

Тем более в нашей группе – и не только нашей – многие сочли бы за честь быть даже не подполковником Ванькиной армии, а каким-нибудь сержантом. Лишь бы – Ванькиной армии.

И многие свердловские парни вздохнули с облегчением, когда мы с ним, как победители региональной олимпиады, получили право перевода в МГУ.

В Москве я тоже был «подполковником». Но быть подчиненным Ваньки, как мне казалось, не составляло особого труда.

Ванька же в Москве едва сам не стал подчиненным – у них началась любовь-война с первой красоткой курса Катькой Воскобойниковой. Честно говоря, уникальная была девица: красивая, стройная, чертовски умная и чертовски пробивная. С таким коктейлем наличие крутого папаши – настоящего чрезвычайного посла – смотрелось просто перебором.

Вот и нашла коса на камень. Или сталь на чугун.

Впрочем, мне такие продвинутые девушки никогда не нравились. Моя-то девчонка была куда проще.

Нелли не была ни красоткой, ни отличницей. И родители – обычные инженеры из Уфы.

Вот фигурку у моей Нельки не отнять – точеная. Как у балерины, только что не такая тощая.

Я ее как увидел первый раз в конце третьего курса в белом платице в скверике возле университета – сразу понял: это моя женищина. И хотя оба никуда не торопились – через три месяца, во время запомнившейся нам теплоходной поездки, она и в самом деле стала моей женищиной.

Ванька, как всегда, помог – не только сам на полночи покинул каюту, но и выгнал еще двух гавриков: в то время студентам об одно– или двухместной каюте можно было лишь мечтать.

А вскоре...

Даже и вспоминать не хочется.

Он в очередной раз расстался с Катькой: у них всегда все было очень бурно, то расставались, то сходились.

И – вот уж чего я не ожидал – Ванька положил глаз на мою Нелли.

Сначала я не решался что-либо ему говорить.

Потом, когда Нелька стала обращать на него внимание – а как же на такого не обратить, – открыто сказал Ваньке, что это подло. Он засмеялся в ответ и сказал, чтобы я не брал в голову.

Нелли говорила примерно то же. Но впервые за время наших отношений я ей не верил.

Дошло до слежки – я просто ничего не мог с собой поделаться.

До сих пор жалею об этом.

Потому что своими глазами увидел, как Нелька вошла в его комнату в общежитии – я уже успел от него отселиться, и он пока жил один.

Я не знал, что мне делать. Ворваться и убить обоих?

Наверное, в тот момент смог бы.

Но как дальше жить без Нельки?

Короче, я дождался, когда она вышла из Ванькиной двери. Не так долго и ждал – может, полчаса или сорок минут. Однако они показались мне столетием: я слишком хорошо представлял, что там сейчас происходит.

Когда Нелька дошла до моего укрытия, я увидел, что она тихо плачет.

– Он взял тебя силой? – спросил я.

– Нет, – добила она меня и теперь уже заплакала навзрыд.

Мне оставалась секунда на принятие решения, и я его принял.

– Забудь, – сказал я и обнял ее.

В общем, мы оба старались забыть, и у обоих не получилось.

Мы и сейчас с ней вместе.

И я никогда не хотел другой жены.

Вот только заноза, пусть и обросшая временем, все равно иногда шевелится в моем сердце. Особенно когда выпью.

Я даже – стыдно сказать – в таком состоянии однажды ее ударил.

Она никому не пожаловалась. Стерпела.

А мне стало только хуже.

Гораздо хуже.

Казалось бы, больше я Ивана в своей жизни не увижу, разве что в прицеле обреза. Но буквально через день я перебежал проспект Мира и не заметил отходивший от остановки автобус.

Удар-то был несильный, скорость маленькая. Однако в итоге мне пришлось пропустить год, из них десять месяцев – в больнице: колесо проехало прямо по коленям плюс открытая черепно-мозговая травма от удара о бордюр.

Нелька тоже пропустила год: все время была рядом.

Мама моя с Урала приехала, сменяла Нельку, когда та окончательно зашивалась.

Но я бы все равно не встал, если б не Ванька. По крайней мере, ноги бы точно не сохранил: гангрена началась очень быстро.

Басаргин поднял всех, включая факультетский профком и Катиных родственников, меня лечили лучшие врачи, даже в барокамере держали, когда ноги спасали. А на лучшие лекарства он заработал сам: что-то – грузчиком, что-то – организовав кооператив. Он уже тогда проявлял организаторские и бизнес-способности.

Мне потом рассказывали, что пару раз он реально отдавал последнее, экономя даже на жрачке.

Нет, я не простил его.

Просто все очень усложнилось.

Видит бог, я не хотел этих усложнений.

7

В общем-то, Майка была в гораздо лучшем состоянии, чем безумный папаша Чистов ожидал.

Здесь он вынужден был отдать должное своей бывшей жене. Ее плоть от плоти на трудную ситуацию реагировала аналогично: четко выработав план действий, не собираясь отступать ни на шаг от этого плана и не забывая припудрить носик. Это уж точно в ней было не от папашы.

На сегодня ее стратегия была такова.

Последний раз поговорить с мужем, Сашкой.

Причем – письменно: *такое* письмо он точно прочтет, наверняка – неоднократно.

В нем объяснялись причины ее – пока временного, на один месяц, – ухода.

Аналогичное письмецо уйдет будущему деду – тот ведь сыном олигарха не был, начинал, как и все, советским инженером. Пусть почувствует, что все серьезно: и с невесткой, и с будущим внуком, и, главное, с единственным отпрыском.

К «разводному» месяцу дочка тоже подготовилась. Все, вплоть до жилья, проработала: прежние ее хозяева, бруклинские, у которых жила на разговорной практике, с удовольствием принимали ее обратно, даже денег брать не хотели, узнав про семейные затруднения. Майка не согласилась – деньги у нее как раз были – и от мамы, и насчет подработки договорилась у себя же, в универе, да и от Сашки ей получать не зазорно: он собутыльникам щедро отваливает, а здесь – как-никак соавтор того, кто теперь живет в ее животе.

Просто, как всегда, немного удивилась: американцы очень серьезно относятся к финансам. За какой-нибудь несчастный, несправедно отнятый у них доллар полжизни судиться готовы, даже – с собственным правительством. Но при этом очень легки на благотворительность и просто помощь тем, кому симпатизируют.

Так что в голове у них доллар, несомненно, присутствует. Однако – не в сердце.

– Ну, хорошо, – вникал в ее позицию Чистов, пока они в желтом огромном такси ехали из аэропорта в город. – Прожила ты месяц одна. Дальше что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.